

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

На год . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяцъ . . . 25 коп.
Объявленія на страницахъ обложки: на 2-й—1 р. 50 к.
на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ дополнительныхъ 60 к.
за строку кончарейля.

Главная Контора и Редакция: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
Невскій пр., 50 (уголъ Садовой).

Лѣтній отдыхъ Л. Н. Толстого.

Оригинальные рисунки Пьер-О для журнала «Огонекъ».

Въ имѣніи Черткова было цѣлое нашествіе. Дошло до того, что устроили прогулку вокругъ дома и стали заглядывать даже въ окна.

При отъѣздѣ изъ имѣнія, въ ожиданіи, собралась цѣлая армія фотографовъ, которая стала немедленно занимать позиціи.
— Ыдутъ!..

Увидѣвъ издали нападеніе фотографовъ, Л. Н. скривился-было въ тѣсѣ сказавъ:
— Пойду грибы искать!
Но, окруженный со всѣхъ сторонъ, въ концѣ концовъ, вернулся.

На улицахъ Москвы фотографы «добивали», поскакали впередъ и сдѣлали еще нѣсколько снимковъ передъ домомъ въ Хамовникахъ, куда Л. Н. поѣхалъ съ вокзала.

Л. Н. много смѣялся, разсказывая окружающимъ, какъ снимали его во время поѣздки «синемаграфички». Смотря на нихъ, было очень трудно сдерживать улыбку, между тѣмъ, надо было непременно сохранять серьезное выраженіе лица.

Зато вечеромъ, когда всѣ слушали вальсъ, исполнявшійся на механическомъ пианино, Л. Н. прошелся одинъ туръ со своей невѣсткой.

С.-Петербургское общество страхованій

Основанное
въ 1858 г.

принимаетъ страхованія: жизни, отъ огня и отъ несчастн. случ.
КАПИТАЛЫ ОБЩЕСТВА:

основной, резервный и запасной—свыше 20.000.000 р.
ПРАВЛЕНІЕ—СПбурѣ, Невскій, 5, соб. д. ОТДѢЛЕНІЕ—Невскій, 66.
Агентства во всѣхъ городахъ Имперіи.

ТЕАТРЫ

СПБ. Попечительства о Народной Трезвости:
Народный Домъ Императора Николая II:

Въ театрѣ ежедневно оперныя и драматическія представленія.

Василеостровскій театрѣ: } драматическія представленія
по воскресеньямъ, четвергамъ
и въ праздничные дни.

Б. Стеклянный заводъ: }

**НОВЫЙ
ДРАМАТИЧЕСКІЙ
театръ.**

БЫВШ.
Коммиссаржевской.

Офицерская, 39.
Тел. 19—56.

НОВИНКИ СЕЗОНА:

„НАРЬ ПРИРОДЫ“,—Н. Н. Чиркова.

„ШУТНИКИ“,—А. Н. Островскаго.

„ВѢРНОСТЬ“,—Вор. Зайцева.

„ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ“ и

„АНФИСА“—Л. Андреева.

Билеты прод. въ кассѣ театра съ 12 до
5 ч. дня и въ центр. театр.
Гл. реж. А. А. Савинъ.

**Невскій
Фарсъ.**

Невскій, 56, Телефонъ
№ 318—27.

Rendez-vous du monde
élégant.

Дирекція Валентины
Линь.

Весь театръ убранъ тропическими растеніями, и пред-
ставляетъ собою уютный уголокъ Петербурга
Блестящій обновленный составъ труппы. Легкій жанръ.
Фарсъ, Обозрѣніе, Пародіи, Шаржи, Музыкальныя
картинки. Очереди, режис. В. Ю. Вадимовъ и
Л. А. Смоляковъ. Составъ труппы: Г-жа Антонова,
Балле, Валентина Линь, Разади, Варягина, Виджини,
Далматова, Ефлюмилова, Казанская, Меледкая, Мю-
ратъ 1-ая и 2-ая, Новинская, Пловенская, Рущковская,
Ручевская, Сафронова, Тролинская, В. Агаревъ,
Аксаринъ, Арскій, Бѣловъ, Вадимовъ, Вропскій, Глу-
мовскій, Кремлевскій, Невзоровъ, Николаевъ, Оль-
шанскій, Разуудовъ, Свирискій-Кулядо, Смоляковъ,
Золотинскій, Шумовъ.

Театръ Большой Заль Консерваторіи
Дирекція М. М. ВАЛЕНТИНОВЪ и Д. А. ДУМА.

ТОЛЬКО ЧЕТЫРЕ ГАСТРОЛИ
въ первый разъ въ Россіи ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНАГО АРТИСТА

АДАМО ДИДУРЪ

1 октября—„ФАУСТЪ“, 3 октября—„МЕФИСТОФЕЛЬ“, 4 октя-
бря—„РУСАЛКА“, 10 октября—„БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“.

Продажа билетовъ съ 15 сентября въ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ
КАССѢ (Невскій, 23). Телефоны 80—40 и 80—08. Доставка на домъ отъ 3-хъ руб-
лей за билетъ и дорожж.

Вилла Родэ

у Строганова моста.

Тел. 77—34.

ПЕРВЫЙ
фешенебельно-уютный Кафе-Кон-
цертъ столичнаго Beau-Monde и из-
бранной публики.

Съ блестящей программой знаменитыхъ ино-
стран. артист. и цѣлымъ ассортиментомъ эту-
алей, съ безукоризнен. Московско-Французск.
кухней высшаго достоинства, по прир. прош-
логодняго. помпез. зим. сез.
Подр. въ афишахъ.

Императорское С.-Петербургское Общество

На Семеновскомъ

плацу

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ТЕАТРЪ

(Екатери-
нинскій кан. 90).

ДРАМА, МЕЛОДРАМА, ВЕСЕЛАЯ КОМЕДИЯ И ОБОЗРѢНІЕ.
Репертуаръ съ 26 сен. по 2 окт. Въ суб. и въ воск. 26 и 27 сен. «Русская свадь-
ба» съ участіемъ хора А. А. Архангельскаго. Въ пон. 28 сен. «Иммортели»,
зловѣд. обзоръ совр. литерат. теченій драм. марш. въ 3 дѣйств. Н. И. Фальева.
Во вторн. 29 сен. первое представленіе новой сенсационной пьесы «ДѢТИ XX
ВѢКА» (ОГАРОЧНИКИ), пьеса въ 4 дѣйств. Н. А. Смурскаго. Въ среду 30 сен., въ
чет. 1 окт. и въ пятн. 2 окт. «ДѢТИ XX ВѢКА» (Огарочники).

Буффъ

Сегодня и ежедневно
„РАЗВЕДЕННАЯ ЖЕНА“

оперетта въ 3-хъ дѣйств. ЛЕОФАЛЛЯ, текстъ Л. ПАЛЬМСКАГО
и І. ЯРОНА.

Главн. дирижеръ І. Шпачекъ, главн. режиссеръ А. С. Полонскій.
Уполномоченный дирекція Л. Л. Пальмскій.

НОВЫЙ ЦИРКЪ

Кронверкскій и Каменноостровскій пр.
Сегодня и ежедневно въ 8 ч. веч.

Elite-представленіе

съ разнохарактерной программой.

НОВЫЕ ДЕБЮТЫ. НОВЫЕ ДЕБЮТЫ.

Сенсационный актъ.

! Les ГЕКТОРСЪ !

Автомобиль имѣеть, кромѣ 4-хъ живыхъ сѣдоковъ, 1,200 кило, переѣзжаетъ
мостъ, который на плечахъ держитъ Les Гекторсъ.

Билеты продаются въ кассѣ цирка отъ 10 ч. утра и до оконч. предств.
Директоръ И. Дуандеръ.

ЦИРКЪ ЧИНИЗЕЛЛИ

Основанъ въ 1847 году.

М-ръ ІАТТЬ элентр. загадка.

Начало въ 8 ч. веч. * Касса открыта съ 10 час. утра.

Цѣны мѣстамъ обыкновенныя.

Директоръ цирка

Сципione Газмановичъ Чинизелли.

JARDIN D'HIVER, П. ТЮРИНА
бывшее „Аполло“.

Фонтанка, 13. *Телеф. 19—68.

Сегодня и ежедневно **ВЪ ТЕАТРЪ**

вечеръ заграничныхъ атракціоновъ.

ПО ОКОНЧАНІИ ВЪ ТЕАТРЪ

дивертиссементъ **Intime** изъ 20 выдающ. заграничн. №№.

Роскошный ресторанъ. Ужины изъ 3 блюдъ 2 р. съ пер.

АКВАРИУМЪ || **СЕГОДНЯ И
ЕЖЕДНЕВНО**

Souper amusant.

Большой и разнохарактерный дивертиссементъ.

Поощренія Рысиатаго Коннозаводства.

ВЪ Г А.

Въ среду 30 сентября приз. на 9804 руб. © въ пятницу 2 октября приз. на 6430 руб.
въ воскресенье 4 октября приз. на 16048 руб.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи

На годъ . . . 2 руб. 50 н. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
 На полгода . . . 1 руб. 25 н. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.
 Объявленія на страницахъ обложки: изъ 2-й—1 р. 50 н.;
 на 3-й и 4-й—1 р., на страницахъ дополнительныхъ 60 н.
 за строку нонпарейля.

Главная Контора и Редакція: С-Петербургъ, Галерная, 40.
 Отдѣленіе: При Ненекоей Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
 Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

I) Черезъ Ламаншь. Н. А. Хомяковъ на пароходѣ снимаетъ видъ Калэ. Въ отдаленіи группа членовъ Г. Думы и Г. Совѣта: гр. В. А. Бобринскій, П. Н. Миллюковъ, М. А. Стаховичъ, А. И. Гучковъ.

II) Въ Ливерпулѣ. Делегация членовъ Г. Думы и Г. Совѣта на «Мавританіи», первомъ въ мірѣ по величинѣ пароходѣ, крейсирующемъ между Англійей и Америкой.

III) Группа членовъ Г. Думы и Г. Совѣта вмѣстѣ съ членами палатъ лордовъ и общинъ на террасѣ Вестминстерскаго дворца. 1) Членъ Г. Совѣта В. П. Глѣбовъ. 2) Членъ Г. Думы В. А. Маклаковъ. 3) Чл. Г. Совѣта М. А. Стаховичъ. 4) Предсѣдатель англійск. группы междунар. союза лордъ Уардэль. 5) Предс. Г. Думы Н. А. Хомяковъ. 6) Чл. Г. Думы С. И. Шидловскій. 7) Чл. Г. Думы А. И. Гучковъ. 8) Чл. Г. Совѣта графъ Дм. А. Олсуфьевъ. 9) Чл. Г. Думы П. Н. Миллюковъ. 10) Чл. Г. Думы Г. Г. Лерхе. 11) Чл. Г. Думы М. В. Челноковъ. 12) Чл. Г. Думы И. Н. Ефремовъ. 13) Чл. Г. Думы С. Н. Максудовъ. 14) Чл. Г. Думы В. А. Бобринскій. 15) Чл. Г. Думы А. И. Звягинцевъ. 16) Чл. Г. Думы баронъ Крюденеръ-Струве. 17) Чл. Г. Думы Монтивиль.

(Снимокъ сдѣланъ на пріемѣ русской делегации въ англійскомъ парламентѣ 22-го іюля 1909 г. и присланъ на-дняхъ предсѣдателю Государственной Думы Н. А. Хомякову).

Вамъ!

ТАНЦУЮЩИМЪ ДѢВУШКАМЪ,
СМѢЮЩИМСЯ НЕВѢСТАМЪ, ИГРАЮЩИМЪ МАТЕРЯМЪ — ВАМЪ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТО.
СЪ ВЫШИНЫ ВАШЕЙ ЖИЗНИ — ЗАГЛЯНИТЕ ВЪ ГЛУБИНЫ.
ИЗЪ СВѢТА ВАШЕЙ ЖИЗНИ — ВГЛЯДИВАЙТЕСЯ ВЪ МРАКЪ.
ПОЧУВСТВУЙТЕ ТО, ЧТО ВЫ ТАКЪ ДОЛГО ОСУЖДАЛИ.
ПОДУМАЙТЕ НАДЪ ТѢМЪ, МИМО ЧЕГО ТАКЪ ДОЛГО ПРОХОДИЛИ РАВНОДУШНО.
И ПУСТЬ СОЧУВСТВИЕ ВАШЕ КРОТКИМЪ СВѢТОМЪ СОГРѢЕТЪ ЖЕРТВЫ ВАШЕГО СЧАСТЬЯ.

I.

Черная Катерина.

Въ центрѣ городъ, гдѣ на асфальтовыхъ тротуарахъ снуютъ всегда нарядныя праздныя толпы женщинъ и мужчинъ, внезапно въ рѣзкимъ переходомъ начинаеся царство тьмы.

Обогнуть только Лувръ, высокое зданіе въ безукоризненномъ, новомъ стилѣ, пройти нѣскольکو шаговъ вдоль строгихъ линий бокового фасада, и тотчасъ за угломъ — переулочекъ съ высокой садовой оградой на крайнемъ концѣ. Когда надвигаются сумерки и на крыши большого города струится блѣдно-сѣрая, тихая мгла, переулочекъ быстро погружается въ унылый мракъ. Домики съезживаются, ворота сливаются съ темнотой и въ то время, какъ главная улица озаряется сверкающими огнями, здѣсь всныживается одинъ единственный красный фонарь. Въ низенькихъ окошечкахъ появляются мерцающія лампочки. Вѣтеръ проникаетъ въ щели и дыры, и блѣдныя огоньки безпокойно вздрагиваютъ, зовутъ, манятъ. Безмолвно указываютъ путь.

Главная улица затихаетъ. Магазины закрываются. Нарядная, праздная публика разбредается по домамъ, гаснутъ одна за другой шипящія лампы, и надъ роскошью и блескомъ витринъ опускаются тяжелыя сѣрыя шторы.

Тогда въ переулкѣ просыпается жизнь и жадно раскрываетъ затуманенные глаза.

Открываются окна, скрипятъ на ржавыхъ

*) Предлагаемъ вниманію нашихъ читателей романъ «Der heilige Scarabäus» составляетъ крупнейшее событіе въ литературной жизни Запада.

Романъ, по темѣ напоминающій «Яму» Куприна, съ захватывающей привидностью освѣщаетъ злокачественную язву на организмѣ культурнаго человечества.

Центральная фигура романа — дѣвушка, къ которой и относится аллегорическое заглавіе «Der heilige Scarabäus» («Навозный жукъ»).

Какъ навозный жукъ, она — порождение грязи и порока, и, какъ этотъ красивый золотистый жукъ, душа ея отливаетъ всѣми цвѣтами прозрачной чистой радуги.

Долгимъ и тяжкимъ извилистымъ путемъ это существо, по ненормальнымъ условіямъ современной дѣйствительности пребывавшее въ самомъ глубокомъ, гнойномъ мракѣ жизни, восходитъ на свѣтозарную вершину добра и любви къ людямъ. Эльза Герузалемъ сумѣла ярко показать на этой фигурѣ насколько праявственный инстинктъ въ человѣкѣ можетъ быть сильнѣе всѣхъ преградъ къ добру, которыя ставитъ ему порокоу.

Ред.

петляхъ калитки, въ воздухѣ перекрещиваются вопросы, смѣхъ, болтовня.

Въ темномъ переулкѣ ждуть гостей. Они не заставляютъ себя долго ждать. Приходятъ сюда отъ матерей или невѣстъ, отъ вина или серьезныхъ книгъ...

На одно краткое мгновенье красная кровь фонаря озаряетъ чуждыя лица. И мракъ поглощаетъ вошедшихъ въ царство его.

Днемъ въ этомъ уголкѣ міра — глубокая тишина и безлюдье. Спущены шторы, закрыты калитки. Рѣдко слышенъ говоръ или дѣтскій смѣхъ. Въ этомъ кварталѣ рѣзвящіяся дѣти не растутъ. Это — обитель порока и его вѣрныхъ товарищей — преступленія и укрывательства. Все уклонившееся отъ стези добпорядочной, трудовой жизни — находитъ здѣсь убѣжище и пріютъ. Воры, укрыватели, мошенники, шулера ютятся въ двухъ смрадныхъ подвальныхъ кафѣ, изъ которыхъ одно держитъ пользующаяся широкой печальной извѣстностью тетушка Циммерманъ.

Зарегистрованныя дѣвушки наполняютъ сырые, скверные домишки и чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома, подъ вѣрной и надежной защитой.

Единственный опрятный, двухэтажный домъ выдѣляется среди двухъ рядовъ невзрачныхъ лачугъ. Глазъ улицы на немъ — красный фонарь, и на яркомъ стеклѣ черными буквами надпись: «Красный домъ» — по цвѣту кроваваго кирпича, которымъ выложена фасадъ.

«Красный домъ» — гордость и центръ безименнаго переулка. Обитательницы его — знать населенія. Отборъ красивѣйшихъ и наиболѣе успѣвающихъ дѣвушекъ. Пребываніе въ немъ уже не только отличіе, но и залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ и обезпеченной жизни. Полновластной его хозяйкой была г-жа Лоринзеръ.

Принадлежалъ домъ отставному на пенсіи майору, который отъ г-жи Лоринзеръ требовалъ только аккуратныхъ взносовъ арендной платы.

«Красный домъ» выглядѣлъ нарядно и привѣтливо. Бѣлыя занавѣски, цвѣты въ окнахъ... Это стоило денегъ.

Но г-жа Лоринзеръ платила аккуратно и требовала аккуратности отъ другихъ. Двадцать гульденовъ ежедневно съ каждой пансіонерки. Въ неоплатномъ долгу у г-жи Лоринзеръ были всѣ, потому что туалеты стоили дорого, водка и вино покупались на свои деньги, а обходиться безъ нихъ было невозможно. И деньги таяли, какъ снѣгъ на солнцѣ.

Съ неаккуратными плательщицами у г-жи Лоринзеръ расправа была коротка: она ихъ выставляла за дверь. Это было и въ интересахъ дѣла. Засиживавшіяся въ домѣ дѣвушки пріобрѣтали друзей, а друзья отставивали ихъ требованія и интересы. Создавалась какая-то оппозиція хозяйкѣ и ея клиентамъ. Гораздо прибыльнѣе было имѣть постоянный притокъ молодыхъ, свѣжихъ женщинъ. И г-жа Лоринзеръ шныряла по улицамъ, караулила на вокзалахъ и вовлекала неопытныхъ въ свои искусныя сѣти.

Въ подвальной, смрадной лавкѣ старая, дряхлая мать ея торговала туалетными принадлежностями, косметикой, обувью, бѣльемъ, шляпами, и всякому тряпьемъ, которое тутъ-же закладывалось, перепродавалось и переходило отъ однихъ обитательницъ переулка къ другимъ.

Маленькая взъерошенная канарейка — когда-то любимца одной изъ кратковременныхъ мѣстныхъ обитательницъ — висѣла здѣсь въ старой рѣзной клѣткѣ. Пташкѣ приходилось выслушивать немало попрековъ за дармоѣдство.

Она не хотѣла пѣть, и на нее не находилось покупателя. А пѣть она перестала давно.

Трагедію этого маленькаго существа угадывала одна только пара глазъ. Большіе сѣрые, внимательные глаза, принадлежавшіе дѣвочкѣ лѣтъ шести. Въ весенніе дни, когда клѣтка висѣла на наружной сторонѣ дома, дѣвочка въ пестромъ, не по росту длинномъ платьѣ стояла передъ клѣткой и тихо убѣждала: «пой, пой, пташка»...

Канарейка подпрыгивала на жердочкѣ и слабо пищала.

«Ты боишься, — говорила дѣвочка, — а вотъ мама моя всегда поетъ... Она не боится этой»... Недоговоренное слово принесло уже маленькой Миладѣ немало пинковъ и отъ Лоринзеръ, ненавидѣвшей «цыганское отродье», и отъ матери «Черной Катерины», со смѣхомъ на устахъ таскавшей свою дочурку за волосы.

— Такой шенокъ, подумать надо, — говорила Катерина своей вѣрной подругѣ Янкѣ, молча хлопотавшей на кухнѣ, — и уже все понимаетъ, уже вспыхиваетъ.

— Въ тебя пошла, — со вздохомъ отвѣчала Янка.

— Это бы еще не худо, — насмѣшливо говорила Катерина, — только-бы такъ все понимала, чтобы плевать на всѣхъ, какъ я...

Черная Катерина была единственная, занимавшая въ «Красномъ домѣ» особое самостоятельное положеніе. Она снимала отдѣльную квартиру, въ которой жила съ другой Янкой и дѣвочкой Миладой. Жила замкнуто, ни съ кѣмъ друзей не водила, и ни въ весельѣ, ни въ распряхъ «Краснаго дома» не принимала участія. Это была красивая, гибкая женщина, съ лицомъ славянскаго типа, съ свѣтлосѣрыми глазами и крупнымъ ртомъ, меланхолическое выраженіе котораго придавало всему лицу особую прелесть.

Драгоценности и наряды ее не тѣшили. Она была хороша, желанна и получала много денегъ, ухлывавшихъ, какъ вода, съвозъ ея пальцы.

Цѣлыми днями до сумерекъ она вяло и безучастно лежала въ постели. Глядѣла своими сверкающими глазами, какъ ея подруга хлопотала и стряпала для нея, и говорила сама съ собой.

«Все бы такъ, вотъ такъ бы все лежать и ничего не дѣлать. Ахъ, Янка, палецъ о палецъ ударить этой жизни ради охоты нѣтъ... Ничего не надо и ничего не хочется, будто уже въ могилѣ лежишь... Развѣ живешь не потому только, что должна жить? Съ той минуты, когда человѣку жить не хочется, уже онъ не живетъ — тапуть!»

Она соскакивала съ кровати и передъ зеркаломъ показывала Янкѣ съ злобыи глумливымъ смѣхомъ, какъ она разучиваетъ свои улыбки и позы, создающія ей успѣхъ и поклоненіе. Изображала вакханку, знатную даму, монашенку. Янка смѣялась:

— Настоящая актриса...
Она опять ложилась на кровать и рассказывала Янкѣ о какомъ-то юнцѣ-студентѣ, который приходилъ къ ней, а она усовѣщи-

вала его и предостерегала от Катерины, как мать!

— Для материнских чувств у тебя свое дитя есть,—ворчала Янка.

— Ахъ, брось... Не надо мнѣ ся... Такое вотъ бѣлокурое, неопытное, какъ этотъ студентикъ, существо мнѣ нужно, которому тоже нуженъ кто-то. А этому лягушенку ничего не надо, она уже все знаетъ—сама уже шяться могла бы по улицамъ...

— Господи, грѣхъ какой!

— А что—не такъ развѣ? Лучше она будетъ своей матери, что-ли? Въ «Красномъ домѣ» и мѣсто ей! Довольно, довольно объ этомъ! Молчи, Янка! Камень она у меня на шеѣ—вотъ что! Если бы не этотъ щенокъ—ужь куда-нибудь я приткнула бы свою голову...

Болѣзненная, тихая Янка съ испорченными отъ бѣлилъ и румянъ лицомъ, открывала дверь и звала Миладу.

— И гдѣ шатается?.. Дитя бѣдное... Не бѣши съ утра.

— Пусть! — злобно говорила Катерина. — Проголодается—стащить что-нибудь.

Янка дрожала отъ жалости и боли.

— Такая крошка... Это смертный грѣхъ на нашей душѣ, Катерина...

Катерина, какъ вихрь, срывалась съ кровати. Съ тѣхъ поръ, какъ оттуда, изъ деревни получило письмо, которое Янка неудачно попыталась отъ нея скрыть, причитанія надъ ребенкомъ повторялись ежедневно.

— Знаю, знаю,—говорила Катерина, задыхаясь,—ты бы уже давно рада дочку папочкѣ въ объятія! Но этого не будетъ, Янка! Дудки! Здѣсь, здѣсь она останется и на улицу пойдетъ, какъ я... Что? Ея тебѣ жалко, а меня нѣтъ? И я была такимъ-же ребенкомъ...

Лицо ея искажалось ненавистью и насмѣшкой.

— Погоди, погоди... Вотъ, когда онъ услышитъ, что единственное его дитя, плоть отъ плоти его, шляется по улицамъ... Его дитя, которое могло бы жить въ довольствіи, въ роскоши, потому что богатая его жена никогда не родитъ ему дѣтей!.. Слушай, Янка, если ты мнѣ измѣнишь, если отнимешь у меня радость этой мести!..

И мягко, и устало добавляла:

— Но я знаю, родная, этого ты мнѣ не сдѣлаешь...

— Милада! Милада!—кричала она въ окно.—Скорѣй, Милада... Будемъ тетю наряжать!..

Янка садилась передъ зеркаломъ, и Катерина, закинувъ назадъ свои буйные, черные волосы, одѣвала свою подругу, чесала, прихорашивала. Безъ умолку говорила, острела, смѣялась. Дѣвочка серьезно и дѣловито подавала румяна, флаконы, шпильки, ленты, юбки...

Когда Янка была расписана, завита, облачена въ ярко-красное или желтое платье, Катерина, отступивъ на два шага, восторженно восклицала:

— Ну, какова теперь тетя, а?

— Очень хорошо!—одобряла Милада и хлопотливо ставила на мѣсто коробки и флаконы.

Янка смущенно и довольно смотрѣлась въ зеркало.

«Прямо неузнаваема... Въ такомъ-то видѣ не пройдешь незамѣченной»...

Она садилась осторожно на кончикъ стула, чтобы не измять платья, и, прикрывшись полотенцемъ, пила свой кофе.

— Вотъ картошка,—говорила она Миладѣ,—масло въ шкапу.

— Потомъ,—озабоченно отвѣчала дѣвочка.

Очередь была теперь за туалетомъ Катерины.

Милада быстро и ловко подавала грески, духи, выдвигала ящики комода, доставала бѣлье, платья.

— Желтую юбку? — спрашивала она изъ другой комнаты.

— Бѣлую!—кричала Катерина.

— Она грязна...

— Все равно...

Милада пытливо и внимательно оглядывала мать. Ей казалось всегда, что мать недостаточно нарядна—лучшія платья оставались въ шкапу.

— Разведи огонь!—говорила Катерина уже въ дверяхъ.

—И поѣшь!—добавляла Янка.

Обѣ уходили. Дѣвочка съ минуту вслушивалась въ замиравшій смѣхъ матери. И съ лихорадочной поспѣшностью принималась за уборку.

Размѣчала въ шкапы и комоды разбросанныя платья и бѣлье, мѣняла постель, мыла посуду, разводила огонь, зажигала лампу... Первой обыкновенно возвращалась съ гостемъ Янка. Дѣвочка встрѣчала ее на лѣстницѣ и шепотомъ значительно говорила ей:

— Тетя, не бери только двухъ гульденовъ, какъ въ тотъ разъ, когда всѣ тебя высмѣяли...

Янка печально кивала головой.

— Я знаю...

И, проводивъ гостя, уходила опять.

Красивая черная Катерина водила за собою посѣтителей, какъ носильщиковъ. Молча и надменно шла впереди и молча ихъ провожала. Но иногда она долго, болтая и смѣясь, прогуливалась съ кѣмъ-нибудь передъ «Краснымъ домомъ». И Милада смотрѣла на нее въ окно и думала:

— Этотъ ей нравится...

Она гордилась своей матерью, считала по пальцамъ ея посѣтителей и радостно хлопала ручонками, когда счетъ превышалъ ей десять пальцевъ.

Когда Катерина спала или уходила за покупками, Янка и Милада сидѣли вдвоёмъ, прижавшись другъ къ другу, и тихо говорили о ней... Какъ идетъ къ ней новое платье, и что бы такое приготовить для нея къ обѣду... И о томъ, какъ она опять много денегъ получила вчера... Какой-то господинъ въ конвертѣ оставилъ, и адресъ свой... Адресъ Милада нашла на полу, разглядила, расправила и положила между блестящихъ бездѣлушекъ.

— Можетъ пригодиться,—разсудительно замѣтила она.

— Теперь она все съ этимъ судейскимъ возится,—огорченно и задумчиво замѣтила Янка.

— Одни только разговоры... — сказала Милада.—Онъ не платитъ.

— Онъ увезти хочетъ ее отсюда,—медленно вымолвила Янка.

Милада свергнула глазенками.

— Этого она не сдѣластъ... Ради такого мама не уйдетъ отсюда...

— А ты... развѣ не уѣхала бы отсюда?

— Я? Нѣтъ!.. Я всю жизнь останусь здѣсь, гдѣ мама...

— Ахъ, дитя... Миръ такъ хорошъ... Есть мѣста, гдѣ и домовъ нѣтъ, и все небо, поля, лѣса... Господи!.. И Янка глухо зарыдала.

— У насъ теперь тоже цвѣты, тетя, тетя...—укоризненно и горячо заговорила Милада... И Ганси... увидишь, она скоро запоетъ!.. Она всплеснула ручонками, помолчала немного и, глядя на потемнѣвшее неподвижное лицо Янки, тихо и убѣдительно добавила:

— А вотъ, когда фуксія расцвѣтетъ, увидишь, какъ здѣсь будетъ красиво...

Катерина была въ періодъ одного изъ пльнившихъ ее увлеченій, много говорила и

возбужденно, шумно послалась по комнатамъ. Янка мрачно молчала.

— Ты сердилась? Что съ тобой? Да говори же... Не мучь!—приставала къ ней Катерина. И въ вопросахъ ея звучала болязненная, первая тревога.

— Не могу больше выносить этого!—простонала Янка.

— Чего? — Катерина выпрямилась и плотно сжала губы.

— Мать, родная мать, которая отвѣтитъ передъ Богомъ... хохочетъ, когда мужчины обзываютъ ребенка скверными словами... Такую крошку! И еще смѣяться... А та на холоду стоитъ и говоритъ: «У мамы уже кто-то есть»... Это,—Янка подняла свою красную руку,—это грѣхъ передъ Богомъ... Это хуже убійства,—тихо договорила она и опустила руку.

Обѣ молчали. Катерина, тупо глядя въ окно, проговорила:

— Умерла бы скорѣй!

Отдай ее! Отдай ее! — заплакала Янка.

— Нѣ-ѣтъ! Нѣ-ѣтъ! Тогда вы всѣ плохо знаете Катерину... Что случилось? Говори! Письмо опять?

Она больно стиснула ей руку.

— Я жизнь, душу за тебя отдамъ,—жалобно и испуганно отвѣтила Янка.—Если бы я хотѣла вернуться домой, то, ты знаешь, для меня всегда тамъ мѣсто нашлось бы...

— А хочется? — злобно размѣялась Катерина.

— Рѣчь не обо мнѣ,—отвѣтила Янка.—Она погибнетъ, если останется здѣсь.

Быть можетъ, уже погибла. А мы смотрѣли, и ничего не дѣлали, чтобы ее спасти... Катерина, слушай! Ты знаешь, что ты для меня... сдѣлай это, Катерина... Отдай ее въ монастырскую школу, она тамъ работать выучится... и молиться... Быть можетъ, навсегда тамъ останется. Богомъ клянусь, никогда не выдамъ тебя, дома ничего объ этомъ не узнаютъ...

Катерина отвернула лицо отъ плакавшей Янки.

Онѣ выросли вмѣстѣ, въ школѣ вмѣстѣ учились... Она, дочь богатого Матчакара, и эта, дочь ткача... Она закрыла предательски сверкавшіе глаза. Засоренная душа прислушивалась къ отзвукамъ далекихъ воспоминаній. По впалямъ блѣднымъ щекамъ быстро побѣжали слезы.

— Янка, радость моя... Ну, не плачь... Ну, взгляни на меня... У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя... Я сдѣлаю все, что хочешь... Хорошо, хорошо... Отдадимъ ее въ монастырскую школу... Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, останется тамъ и замолитъ наши грѣхи — только мои, мои... Ты невинна, какъ ангелъ Божій...

Послѣ обѣда Янка порылась въ своихъ ящикахъ, достала голубую ленточку и въ первый еще разъ стала заплетать упрямые волосы Милады.

— Ты мнѣ прическу дѣлаешь, тетя?—съ любопытствомъ спрашивала Милада.

— Ты будешь въ школу ходить... Тамъ хорошія дѣти, въ косичкахъ, молиться учатся...

— Да я не хочу вовсе къ хорошимъ дѣтямъ!

— Ну, вотъ!.. Тебѣ тамъ картинки покажутъ, книжки... Вышивать научатъ... Еще сама монахиней будешь... Въ монастырѣ и останешься, быть можетъ...

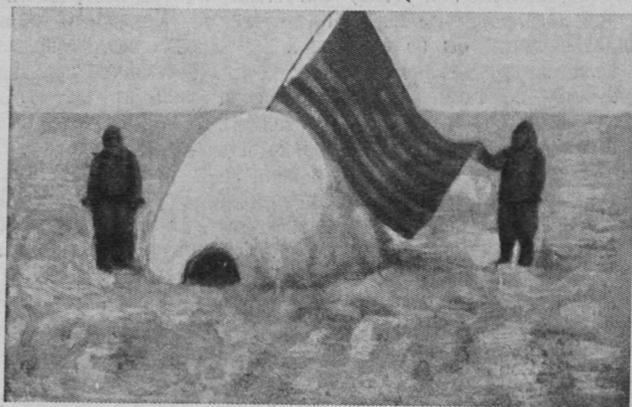
Милада рѣшительно повела головой:

— Не хочу!.. Хочу всегда жить въ «Красномъ домѣ»...

Катерина вскинула на подругу смѣющиеся глаза:

— Ну, ну... отправляйтесь на богомолье,—сказала она, зѣвая и растягиваясь на кровати.—А я тутъ вздремну.

Двѣ фотографіи, снятыя на сѣверномъ полюсѣ д-ромъ Кукомъ.

Воспроизводимые нами два снимка д-ра Кука разосланы по всему свѣту въ отискахъ-факсимиле издателемъ нью-йоркскаго **Herald'a**, гдѣ печатается отчетъ д-ра Кука объ его путешествіи. Отчетъ изложенъ весьма картинно, полонъ любопытныхъ подробностей и наблюдений; путешественникъ, достоинства котораго недавно еще казались столь сомнительными, производитъ впечатлѣніе практичнаго организатора, вдумчиваго и наблюдательнаго.

Къ снимкамъ д-ра Кука больше всего подходятъ слова разочарованія, которыми онъ встрѣтилъ завѣтную цѣль своихъ исканій: «Такъ это-то и есть Сѣверный полюсъ! Не-

ужели только для того, чтобы ступить на эти пустынные снѣга, столько людей отдали свою жизнь? Неужели мы сами рисковали только для этого своею собственною? Нѣсколько часовъ тому назадъ полюсъ привлекалъ нашу душу, какъ мистическій магнитъ. И вотъ онъ—разоблаченъ, лишень своего таинственнаго обаянія! Полюсъ! Но мы на немъ!.. Здѣсь—такіе же льды, какъ вездѣ кругомъ. И ничего больше!».

Мрачныя фотографіи д-ра Кука, несмотря на свою несложность, производятъ потрясающее впечатлѣніе.

Эта эскимосская юрта, это американское

знамя, за отсутствіемъ вѣтра, расправляемое спутникомъ путешественника въ то время, какъ онъ самъ дѣлаетъ фотографическіе снимки, вся обстановка экспедиціи, затерянной въ полярныхъ льдахъ, — внушаютъ невольное убѣжденіе въ полной добросовѣстности чело-вѣка, разоблачившаго вѣковую тайну Сѣвернаго полюса!

Остается лишь подвергнуть ученому анализу его наблюденія, — чтобы проверить, не okaza-лся-ли онъ самъ, вовсе не желая морочить современниковъ,—жертвою ошибки или иллюзіи! Такъ легко повѣрить тому, чего хочется.

***** Первый Всероссийскій Съездъ Евангельскихъ Христіанъ въ залѣ Англійской школы въ СПБ. *****

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булга.

Группа участниковъ съезда:

- 1) С. Ермаковъ. 2) Ф. Соловьевъ. 3) И. Казаковъ. 4) Г. Матвѣевъ. 5) А. Персіановъ. 6) М. Ильинъ. 7) В. Долгополовъ. 8) А. Кошелевъ. 9) Н. Ромашевъ. 10) К. Федоровъ. 11) З. Карастылевъ. 12) М. Хорошидовъ. 13) П. Лисенко. 14) Ф. Шенеманъ. 15) С. Шкуптенко. 16) М. Яворскій. 17) Р. Караманъ. 18) И. Булыгинъ. 19) О. Тимохинъ. 20) Паталахъ. 21) Я. Випсъ. 22) С. Гоцкій. 23) И. Прохоровъ. 24) Ф. Ефимовъ. 25) Ф. Вѣлюсовъ. 26) С. Алексѣевъ.

Въ жизни Милалы началась новая эра. Въ школѣ высокихъ, темныхъ сестеръ былъ особый мѣръ, особая жизнь, въ которую ребенокъ вглядывался со страстнымъ любопытствомъ. На худенькомъ, смугломъ личикѣ засвѣтилось новое выраженіе, придававшее ему свѣжесть и дѣтскость. Она перестала шататься, какъ прежде, по переулку, не бѣгала съ порученьями и записочками. Маленькую ея душу всколыхнула и охватила жажда знанія. Едва постигнувъ тайну буквъ и складовъ, она часами стала просиживать надъ клочками газетъ и попадавшимися ей страничками изъ страшныхъ романовъ. И осаждала Янку вопросами: «Тетя, что значитъ возмездіе?» «Тетя, что значитъ грѣшная любовь?»... Янка объясняла, какъ могла. Катерина пожимала плечами и смѣялась, глядя на сосредоточенное, уставившееся въ страницы личико Милалы. Но обученіе чтенію было истиннымъ событіемъ въ дѣтской жизни Милалы и уже много лѣтъ спустя осталось для нея поворотнымъ пунктомъ, отъ котораго она вела свои воспоминанія.

— Это было еще до того, какъ я выучилась читать.

«Красный домъ» и все, связанное съ нимъ, постепенно утрачивало для нея интересъ. Она жила въ новомъ мѣрѣ.

Катерина злилась и чуждалась своего ребенка. Съ каждымъ днемъ все явственнѣй вставала передъ ней безнадежность надвигавшихся годовъ.

Она страшно цѣплялась за каждую новую иллюзію любви, тѣшилась восхищеніемъ, которое вызывала ея еще яркая красота. Но черныя мысли опять и опять возвращались и кружились надъ нею, какъ стаи зловѣщихъ птицъ. Главной причиной ея терза-

ній было то, что она совершенно утратила въру въ возможность и смертоносную силу своей мести. Пламя ея позора не сожгло, не уничтожило того, кто несмыслимой обидой осквернилъ ея душу. Онъ живетъ, какъ прежде, въ своемъ солнечномъ помѣстьѣ, гордый и сильный, съ молодой женой, томимой проклятьемъ безплодія. Денегъ, много денегъ онъ предлагалъ когда-то ей, черной Катеринѣ, за своего ребенка. Но она указала дверь его посланнымъ. Увлекла за собою въ позоръ его племянницу, преданную Янку, и его ребенка ввергла въ кромѣшный ужасъ, въ которомъ ожесточенно и безплодно ковала свое мщеніе.

Если бы онъ женился на ней, она была бы ему женой примѣрной, хозяйкою отменной и, главное, дитя свое, его дитя она любила бы!.. Если бы оно родилось въ смѣющемся, свѣтломъ домѣ, о, какой любящей, какой страстной матерью была бы Катерина!..

Не о ребенкѣ болѣло ея сердце, а о поруганной своей материнской гордости... Что ей этотъ покинутый шенокъ, эта несчастная нищенка?.. Ее-ли она зачала въ безуміи и восторгѣ и носила съ радостными надеждами?.. Когда она сказала ему съ ликоваціемъ, что подъ сердцемъ ея бьется его дитя, и онъ высмѣялъ ея надежду стать его женой, она изо всѣхъ своихъ силъ ударила его по лицу... Убѣжала домой... И послѣ долгой, какъ вѣчность, ночи пробралась на зарѣ къ Янкѣ и все ей рассказала... Она говорила ей:

— Янка, если я одна уйду отсюда... я въ воду брошусь... Не оставь меня и моего ребенка... Пойдемъ со мною...

И тихая Янка пошла за нею. Изъ большого, чуждаго города, куда они добрались

къ ночи, она написала, что вернется тотчасъ съ Янкой, если онъ обѣщаетъ жениться на ней.

«Не сѣй несчастья—писала она, — гдѣ могло бы расцвѣтать наше счастье...»

И вскорѣ получился негодующій отвѣтъ. Онъ грозно звалъ племянницу Янку. Отъ ребенка онъ, какъ порядочный человекъ, не отрекался—въ свое время онъ позаботится о немъ... А Катерины онъ знать не желаетъ. Съ такими женщинами человекъ, уважающій себя, ничего общаго имѣть не можетъ...

Такъ!.. И тогда, въ первыя незабвенныя, страшныя минуты вспыхнулъ въ головѣ ея планъ мести. Когда черезъ восемь дней гонимый крестьянинъ прилетѣлъ въ городъ, чтобы свести счеты съ возлюбленной и вернуть племянницу, уже было поздно. Обѣ дѣвушки уже были зарегистрированы и жили въ проклятомъ домѣ. О, какъ жгуче сладко было первое мгновеніе мести! Если бы онъ убилъ Катерину, она умерла бы съ сладостнымъ сознаніемъ, что такимъ, какъ она видѣла этого жестокаго гордеца, никто его не видѣлъ.

Уничтоженнымъ и ошеломленнымъ, обезсиленнымъ и безмолвнымъ... Онъ ухалъ... И потянулась эта жизнь. Родилась Милала. И все получались письма, звавшія племянницу и дочь; но власть Катерины была сильнѣе этихъ призывовъ. И она съ жгучей радостью всдушивалась въ злобу, которая влскотала въ ней и огненными языками бѣжала къ жертвамъ ея мести.

Но постепенно великій гнѣвъ ея слабѣлъ и угасалъ на болотной почвѣ, на которой она жила.

Милалѣ было одиннадцать лѣтъ и она числилась уже въ третьемъ классѣ, когда въ переулкѣ пошли перемѣны и новшества, гро-

Выставка акваріумовъ и комнатныхъ растений въ манежѣ л.-гв. Уральской Его Величества сотни въ Спб.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булга.

Общій видъ выставки.

жившія серьезной опасностью обитательницъ «Краснаго дома». Появились вдругъ мучидры, чиновничьи фуражки, смотрѣли, измѣряли. Застучали заступы и молоты, стали мостить переулочекъ, провели тротуары, поставили газовый фонарь, затмевавшій слабый свѣтъ краснаго фонаря, и на угловомъ домѣ появилась черная лакированная дощечка съ бѣлой надписью: «Переулочекъ краснаго дома».

Потомъ посыпался дѣблый дождь всякихъ бумагъ, предписаній, уставовъ. Пошли осмотры домовъ, требованія бумагъ отъ жилищекъ, разныя записи, штрафы. Лавка старор Лоринзеръ, по совѣту друзей, всегда соблюдала извѣстную осторожность и принимала лишь дѣвущекъ съ безупречными документами. Но и у нея три пансіонерки, бумаги которыхъ не отвѣчали всѣмъ статьямъ закона, были выселены.

Наименѣе замѣтно отразился переворотъ на вѣтшнемъ обиходѣ «Краснаго дома». Г-жа Лоринзеръ, по совѣту друзей, всегда соблюдала извѣстную осторожность и принимала лишь дѣвущекъ съ безупречными документами. Но и у нея три пансіонерки, бумаги которыхъ не отвѣчали всѣмъ статьямъ закона, были выселены.

У Катерины и Янки документы оказались въ полномъ порядкѣ, и онѣ остались.

Въ общемъ, картина переулочка, если не считать мостовой, черной лакированной дощечки и газоваго фонаря, измѣнилась очень мало. Только хозяйки домовъ увеличили плату пансіонеркамъ за содержаніе на 40 процентовъ... Изъ-за этихъ проклятыхъ налоговъ — поясняли онѣ, — которые взвалили на нихъ городъ.

Переулочекъ было уже успокоился и жизнь въ немъ вошла было въ обычную колею, какъ свершилось новое событіе, поразившее всѣхъ, какъ бомба, своей неожиданностью.

«Красный домъ» былъ проданъ, и новая хозяйка, какъ вскорѣ стало извѣстно, предполагала преобразовать его въ шикарное, поставленное на широкую ногу заведеніе.

Это была нѣкая Гольдшайдеръ, очень важнаго вида дама, въ шелкахъ, съ лорнетомъ на золотой цѣпочкѣ. Въ одно дождливое воскресенье она нагрянула сама, съ презрительнымъ видомъ оглядѣла запущенный, грязный домъ, сдѣлала внимательный смотръ всѣмъ обитательницамъ, и только пяти изъ нихъ, въ томъ числѣ и Катеринѣ, предложила остаться въ ея заведеніи. Катерина ей понравилась настолько, что послѣ краткаго колебанія, она разрѣшила ей удержаться при себѣ Миладу.

— Полиція косо смотритъ на дѣтей акульнаго возраста,—замѣтила было она...

Но Катерина успокоила ее:

— Дѣвочка въ школу больше ходить не будетъ.

Условились, что Милада останется въ домѣ, для мелкихъ услугъ. Янка и другія дѣвочки должны были очистить домъ въ нѣсколько дней.

Произошло все это въ какихъ-нибудь полчаса. Катерина едва могла опомниться и сообразить, какая переимѣна свершилась въ ея жизни. Что ждетъ ее теперь? А Янка? Она ничего не понимала. Въ домѣ стоялъ невообразимый хаосъ голосовъ, ругани, воплей и пререканій. Едва Гольдшайдеръ уѣхала, прибѣжали хозяйки и жилищки изъ сосѣднихъ домовъ и всей толпой съ криками и визгами обсуждали событіе.

Катерина грубо оборвала поздравлявшую ее съ успѣхомъ сосѣдку и уѣжала къ себѣ.

Янка и Милада сидѣли на кухнѣ у печки. И Янка, обливаясь слезами, говорила дѣвочкѣ: «Если разсердится, браниться будетъ... ты молчи, она добрая, хорошая... И грубой работы не давай ей дѣлать... Она не привыкла»...

Дѣвочка серьезно качала головой:

— Я знаю, знаю...

— Она сладкаго не любить... Но вино и яблоки покупай ей каждый день. Не забудь — у Грейзеринъ всегда яблоки хорошія...

При этихъ словахъ, въ кухню, какъ вихрь, ворвалась Катерина.

— Вздоръ! Вмѣстѣ уйдемъ отсюда! Плевать мнѣ на Гольдшайдеръ и ея заведеніе!

— Этого ты не сдѣлаешь, Катерина... Тебѣ здѣсь хорошо, покойно будетъ... Ты не должна бѣжать отъ своего счастья...

Янка волновалась и ломала руки. Милада, по гнѣвному знаку матери, вышла изъ кухни.

— Такъ ты уйдешь?.. А дѣвочка? — глухо сказала Катерина. — И ей останется здѣсь? Что изъ нея выйдетъ здѣсь, ты знаешь, а?

— Милада тебѣ нужна... И въ горѣ, и въ радости ей подлѣ тебя мѣсто... Она хочетъ быть съ тобою... Она любитъ тебя... А я... не могу, видѣть Богъ... я уйду...

— Въ монастырь? — злымъ шопотомъ проговорила Катерина.

Янка молчала. Печальные, преданные глаза отвѣтили за нее...

II.

Въ салонѣ Гольдшайдеръ.

Въ сентябрѣ того же года обновленный «Красный домъ» открылъ свои двери, и г-жѣ Гольдшайдеръ скоро ясно стало, какъ день, что дѣло пойдетъ хорошо...

Дѣвочки были молоды, красивы, хорошо вышколены, салонъ обставленъ роскошно, и въ городѣ о немъ заговорили, какъ о достопримѣчательности. Ковры, зеркала, электричество, мраморные амуры, блестящій рояль, на которомъ отличный таперъ исполнялъ отрывки изъ вагнеровскихъ оперъ...

Изумленію и восторгамъ давнишнихъ обитательницъ «Краснаго дома» не было конца. Другія дѣлали видъ, что вся эта роскошь и блескъ нисколько ихъ не трогаютъ. И не такія вещи видали...

Г-жа Гольдшайдеръ каждой дѣвущкѣ дала подписать исписанный листъ бумаги. Подписывали безъ колебаній. Однѣ, не понимая, въ чемъ дѣло, другія, болѣе опытыя, говорили, что это контрактъ, чтобы «сбѣжать нельзя было»...

И всѣмъ очень понравились тонъ и обращеніе г-жи Гольдшайдеръ. — Отъ васъ зависитъ, — говорила она, — ваша судьба... Будете разсудительны, еще заживете когда-нибудь честно и благородно...

Всѣ получили красивое бѣлье, красивыя платья, всѣмъ отвели прекрасныя помѣщенія. И столъ ничего лучшаго не оставлялъ желать.

Г-жа Гольдшайдеръ очень даже заботилась о томъ, чтобы пансіонерки хорошо питались, чтобы самочувствіе у нихъ было хорошее, веселость непринужденная, и умѣла изъ каждой выудить какую-нибудь особенность или дарованіе, создававшія ей успѣхъ и заведенію славу. У одной подмѣтила хореографическій талантъ, у другой — музыкальный... Пошло даже соревнованіе талантовъ, и это вносило оживленіе, и новый интересъ придавало вечерамъ...

Однажды и Катерина, депнувъ что-то таперу и сладострастно закинувъ голову назадъ, заглянула грустные, цыганскіе романсы...

Гости взвизгивали отъ восторга. Катерина, поощряемая успѣхомъ, попрыгала голосомъ, фальшивила и для большей выразительности закатывала глаза къ потолку и перебирала плечами. Ее очень тѣшилъ ея трюмфъ.

Катеринѣ уже перевалило за тридцать, и въ новой обстановкѣ ея своеобразная красота и очарованіе замѣтно пошли на убыль. Съ отвѣдомъ Янки оборвалась ея послѣдняя внутренняя связь съ прошлымъ. Душа ея освободилась. За ней не было боль-

ше прошлаго. Мечты рассыпались въ прахъ. И мѣсть умерла. Теперь она жила только для шумныхъ ночей и для заработка.

Прилагала всѣ усилія, чтобы быть самой красивой и самой желанной, и прибѣгала къ самымъ низменнымъ средствамъ и приманкамъ.

Мятежная, гордая Катерина, всегда державшаяся въ сторонѣ отъ товаровъ, находила теперь удовольствіе въ общихъ пересудахъ и сплетняхъ. Экономка Олимпія сочинила ей романтическую исторію, въ которой фигурировали мачеха, старый графъ-соблазнитель и дивно-красивый, благородный студентъ. Исторію эту Катерина повѣряла каждому гостю и, когда кто-нибудь позволялъ себѣ усомниться въ высокихъ душевныхъ качествахъ студента, волновалась и выходила изъ себя. Въ существованіе этого студента она особо увѣровала и гордилась имъ.

По совѣту той же Олимпіи, она выкрасила свои непокорныя черныя волосы въ рыжій цвѣтъ, и свое имя перемѣнила на кличку Кармень.

Учащавшіеся сердечныя припадки лѣчила симпатическими средствами и, такъ какъ это, конечно, не помогало, стала пить — тайкомъ. Милада изловчалась незамѣтно приносить ей вино въ ея комнату. Вино ее оживляло, прогоняло усталость изъ ея нѣмѣвшаго тѣла. И она опять могла смѣяться, наряжаться и переругиваться съ подругами.

Милада въ теченіе дня находилась внизу, у привратницы, а спала на чердачкѣ, въ клѣткѣ съ окномъ на крышу. Въ домѣ пользовались ею для разныхъ услугъ и посылокъ, и Гольдшайдеръ обыкновенно брала ее съ собой, когда надо было что-нибудь отнести или принести. Она уже чесала высоко волосы, носила недѣльные длинные юбки и часто еще большой вязаный платокъ, скрывавшій ея дѣтскія формы.

Молча и внимательно вглядывалась дѣвочка въ мать, и никто не догадывался, какія муки разочарованія переживало это маленькое, тоненькое существо.

Ея мать не отличалась теперь ничѣмъ отъ другихъ дѣвицъ. Она дружила съ ними, дѣлила съ ними вино, ссорилась съ ними и мирилась, и, какъ онѣ, боялась хозяйки и прятала бутылку въ подушкахъ.

Радостно расцвѣтшая въ дѣтской душѣ гордость медленно осыпалась. Мать еще была красива и замѣтна, но это не была уже прежняя Катерина съ ея звонкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ, причудами, вспышками, слезами и надменнымъ молчаніемъ. Дитя понимало, что Катерина спустилась со своей одинокой вершины и уничтожила разстояніе между собой и подругами.

Недѣли и мѣсяцы проходили въ «Красномъ домѣ» съ неизмѣннымъ однообразіемъ. Дѣло Гольдшайдеръ процвѣтало и расширялось, дѣвочки были довольны и оживлены. Милада убирала комнаты, чистила лѣстницу, и Катерина проходила мимо нея съ такимъ безучастнымъ, далекимъ лицомъ, словно никогда и ничего не связывало ее съ этимъ существомъ. Злоба и горечь вытравили изъ души ея живую теплоту, и ледяной холодъ обдавалъ всякую вѣтшнюю попытку приближенія къ ней.

Милада иногда часами простаивала въ углу или беззвучно прибирала комнату и ждала, ждала тщетно, что мать заговоритъ съ нею. Замѣтивъ дѣвочку, она отсылала ее съ порученіемъ или кратко говорила:

— Мнѣ ничего не надо.

Когда сердечныя спазмы и одышка стали обостряться, Катерина судорожно прижималась къ подушкамъ, металась и съ бранью прогоняла растерянную, испуганную Миладу: «Никого ей не надо! Она не больна, это сейчасъ пройдетъ»...

И она замыкала дверь, и никого не пу-
скала къ себѣ въ часы припадковъ.

Катерина не видѣла тоскливой печали въ
сѣрыхъ дѣтскихъ глазахъ, мучительнаго
желанія остаться при ней, помочь.

— О, этотъ вороненокъ! — сказала она
однажды своей пріятельницѣ, экономкѣ
Олимпіи. — Она еще продастъ меня за два
крейцера, повѣрь мнѣ...

Любимый, яркій образъ матери постепен-
но тускиль въ воображеніи Милады, связь
съ перепешней вьолой, брюзгливой женщи-
ной ослабѣвала, и холодъ, шедшій изъ
сердца Катерины, загонялъ ее все дальше
въ безпросвѣтное недѣтское одиночество.

Но... сѣмена любви могучи и долговѣч-
ны. Слово «мать» навсегда сохранило для
Милады живительно-теплый звукъ. И въ
теченіе долгихъ лѣтъ она ощущала, засы-
пая, въ полуснѣ отрадное прикосновеніе
добрыхъ, ласковыхъ рукъ, которыя нико-
гда ее не ласкали.

Однажды ночью съ Катериной сдѣлался
припадокъ въ салонѣ, при гостяхъ. Ее уве-
ли полумертвою, а на слѣдующее утро при-
шла къ ней Гольдшайдеръ и, распросивъ
обо всемъ, взглядыми въ ея погасшее
лицо, замѣтила, что для Катерины лучше
было бы подыскать себѣ менѣе утомитель-
ное занятіе въ какомъ-нибудь небольшомъ
заведеніи, — мѣсто кассирши, напримѣръ,
или буфетчицы. Катерина смотрѣла на нее
остановившимися глазами, и ея блѣдныя гу-
бы дрожали отъ ужаса.

— Уже?... Она не годится больше?..

Гольдшайдеръ объяснила ей, что всю
жизнь на одномъ мѣстѣ засиживаться не-
возможно. Это не въ интересахъ дѣла. Она
не только ее, Катерину, но и нѣсколько дру-
гихъ дѣвушекъ рассчитываетъ... А Миладу
она можетъ оставить здѣсь, если ей не тя-
жело съ ней разставаться.

Катерина безнадежно махнула рукой.
Меньше всего она думала о Миладѣ.

Съ отекившимъ лицомъ, съ темными круга-
ми подъ глазами лежала она цѣлыми днями
на кровати и ждала своей участи. Въ Бра-
нау, въ американскомъ барѣ подыскала ей
Гольдшайдеръ мѣсто.

— Покойное, — увѣряла она, — только
пить не надо. Докторъ сказалъ, что ей по-
кой нуженъ...

Катерина тупо слушала. Агентъ въ дорож-
ной фуражкѣ, сидѣвшій въ конторѣ у хозяй-
ки, долженъ былъ отвезти ее на новое мѣ-
сто. Экономка Олимпія вошла къ ней, когда
она укладывалась.

— Духовъ и гребней не бери... Это хо-
зяйское...

Вокругъ рта Катерины легла горькая
складка. Она не скрывала больше своей
скорби.

— Брану! Брану! Гдѣ это? Должно
быть, дыра!.. — говорила Олимпія.

Въ комнату просунула голову добросер-
дечная, жалостливая Джизи.

— Правда, Катерина, ты уѣжаешь?..
Ну, что же... Будешь сидѣть за стойкой съ
букетами и разливать шампанское... — и одо-
бряюще добавила: — Это хорошо!..

Катерина не отвѣчала.

Захлопнувъ крышку сундука, она под-
несла ко рту бутылку и сказала:

— Ну, теперь везите къ живодеру!..

Но вмѣсто смѣха изъ горла ея вырвался
глухой отвратительный хрипъ, и Олимпія и
Джизи смущенно вышли изъ комнаты.

До часа отъѣзда Катерина спала. Около
десяти часовъ вечера привратница разбудила
ее. Изъ салона доносились голоса и му-
зыка. Ночь была темная и депрiятная. Ни-
кто не вышелъ ее проводить. Только четыр-
надцатъ лѣтъ воспоминаній кружили надъ
ней, какъ голодная, хищная, черная
птица.

Катерина не оглядывалась, не проронила
ни слова.

— Гдѣ же дѣвочка? — вспомнила при-
вратница и крикнула:

— Милада!..

Когда прибѣжала Милада, дрожки уже
отъѣзжали отъ подъѣзда.

Судьба Катерины быстро понесла ее подъ
гору. Въ Брану, въ американскомъ барѣ она
не понравилась. Ея апатичный видъ, угрю-
мая улыбка не привлекали гостей. И она
пила, забывая прощальное напутствіе Гольд-
шайдеръ и что ей нуженъ покой. Она на-
пилась однажды при посѣтителяхъ и хо-
зяинѣ, отхлеставъ ее по щекамъ, выгналъ
ее на улицу.

Изъ притона въ притонъ, изъ кабачка
въ кабачокъ, грязнѣй, бѣднѣй... Парки, вед-
шія ее по стезѣ жизни, гнали ее изо всѣхъ
силъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ старуха, у кото-
рой она жила и, уже не вставая, прини-
мала гостей, подошла къ ней, чтобы при-
нарядить, прикрасить ее. Катерина не ше-
вельнулась. Старуха прикрикнула, обруга-
ла, попыталась влить ей водку въ сжатые
губы... Безуспѣшно.

Въ больницѣ, куда отвезли Катерину,
тщетно старались установить ея личность.

Въ минуты просвѣтлѣнія, она разжимала
губы лишь для того, чтобы просить питья,
и стонала, когда ко рту ея подносили моло-
ко или фруктовую воду.

Случайно, въ ту же больницу попала дѣ-
вушка, жившая короткое время съ Катери-
ной у Гольдшайдеръ...

Дали знать въ «Красный домъ». И на дру-
гой-же день привратница Пилифка привела
Миладу.

— Изъ «Краснаго дома» пришли къ
вамъ!.. — крикнула сидѣлка больной на ухо.
Катерина, тяжело дыша, медленно рас-
крыла глаза.

— Янка? — прошептала она.

Милада смотрѣла въ мертвенное лицо. —
«Мать?... Нѣтъ, Кармелъ... Какой у нея
видъ!..»

Привратница подталкивала ее ближе:

— Скажи ей что-нибудь...

Въ головѣ Милады закружились мысли:
...Красный домъ... Янка... Мать?... Это мать?

Непонятная отчужденность сковывала ее
ледянымъ ужасомъ. Мать умирала, черная
Катерина. Больничная палата, желѣзныя
койки, это хрипящее тѣло... Мать умирала...

— Мама, — шепнула она.

Тихе, будто крадучись, гонимая тоской и
отталкиваемая ужасомъ, она протянула
свою загрубѣлую руку къ искривленнымъ
пальцамъ, отъ которыхъ ледяной холодъ по-
бѣждалъ къ ея молодому тѣлу.

— Янка! — повторяла Катерина...

— Опять все то-же.. Янка да Янка, —
сказала сидѣлка. — Вотъ подписать надо,
чтобы она въ «Красномъ домѣ» осталась...

Больной поднесли бумагу, вложили въ
руку карандашъ, приподняли ее. Катерина
сопротивлялась.

— Не надо, Янка... это... слишкомъ...
слишкомъ... страшно...

— Фрейлейгъ Кармелъ, — заговорила По-
лифка. — Это про дѣвочку... Миладу, зна-
чить... чтобы у насъ осталась.

По лицу Катерины скользнула улыбка.
Она поняла. Подписала, и карандашъ выпалъ
изъ ея пальцевъ.

Еще въ агоніи вокругъ ея рта играла
странная, на улыбку похожая, дрожь.

Утромъ Катерину отнесли въ мертвец-
кую.

У Гольдшайдеръ опять весело и блестяще
прошелъ сезонъ. Поступило много новыхъ,
красивыхъ дѣвушекъ. Въ погребѣ держали
хорошія вина. Два раза въ недѣлю прихо-
дилъ врачъ и каждую, сколько-нибудь по-

дозрительную большую Гольдшайдеръ пе-
медленно отправляла въ больницу.

Бывшихъ на излеченіи дѣвушекъ она
въ салонъ свой уже не принимала, но че-
резъ своихъ агентовъ, черезъ своихъ довѣ-
ренныхъ, итальянку Шарлотту и ея сожи-
теля Зухера, служившаго въ полиціи, раз-
мѣщала своихъ пансіонерокъ по пивнымъ,
кафешантанамъ, танцклассамъ и разнымъ
тайнымъ и явнымъ притонамъ въ столицѣ
и провинціи.

Та же Шарлотта и полицейскій Зухеръ
оказывали Гольдшайдеръ весьма цѣнное
содѣйствіе въ вербованіи новаго товара.
У обонхъ были широкія связи въ разныхъ
слояхъ общества и оба пользовались ими
умѣло.

Гольдшайдеръ открыла еще новый источ-
никъ, откуда могла безбоязненно зазывать
къ себѣ женщинъ: родильные пріюты и
больницы. Тутъ ревностно помогали ей
щедро оплачиваемые ею швейцары, сидѣл-
ки. Гольдшайдеръ являлась туда уже по
проторенной для нея дорожкѣ. Приходила
къ желѣзнымъ койкамъ, гдѣ лежали учи-
тельницы рядомъ съ горничными, масте-
ры рядомъ съ дѣвушками изъ достаточныхъ
буржуазныхъ семействъ, выброшенными
провинціей въ омутъ столичной жизни... и
совсѣмъ юныя, четырнадцати-шестнадцати-
лѣтнія дѣвушки, истощенныя, жалкія, ко-
торыя рады были, что кровь и стѣны прі-
ютили ихъ скорбь. Гольдшайдеръ приходила
со словами утѣшенія, съ счастливыми воз-
можностями и перспективами, и растерян-
ные, затуманенные глаза жадно вникали и
свѣтлѣли. Обыкновенно сопровождала ее
Милада. Она сидѣла на козлахъ, подлѣ ку-
чера, со скромнымъ узломъ вновь поступа-
вшей въ рукахъ. Слышала плачь и жалобы
изъ фіакра, слышала ласковый, успокаива-
ющій голосъ хозяйки и видѣла, какъ бы-
стро загорались въ «Красномъ домѣ» оживле-
ніемъ и надеждой еще недавно заплаканные
глаза.

Маленькая подгорничная Милада неза-
мѣтно вытянулась въ стройную, гибкую дѣ-
вушку, съ двумя тяжелыми черными коса-
ми и свѣтло-сѣрыми глазами, напоминавши-
ми туманъ, пронизанный солнечными луча-
ми. Глаза спокойно и пылливо смотрѣли,
слушали. Съ ранняго утра она неслась по
лѣстницѣ вверхъ, внизъ, изъ одной комна-
ты въ другую, прибирала, услуживала, вы-
слушивала секреты, посвящалась въ разные
тайны и распри. Завивала и одѣвала дѣву-
шекъ, варила кофе, дѣлала бутерброды, смо-
трѣла за серебромъ и фарфоромъ, по вече-
рамъ подавала гостямъ въ салонѣ и знала
привычки и вкусы завсегдатаевъ. И это ка-
залось всѣмъ въ порядкѣ вещей, — что су-
ществуетъ Милада, всюду мелькаетъ, что
то всегда дѣлаетъ, всѣмъ нужна и всѣмъ
угождаетъ. Одинъ лишь человекъ въ «Крас-
номъ домѣ» учитывалъ и оцѣнивалъ то, что
дѣлалось этой малоговорливой, сѣроглазой
дѣвушкой, — сама хозяйка, Гольдшайдеръ. —
Она едва смотрѣла на нее, едва говорила съ
ней, не всегда видѣла ее... И всю дальнѣй-
шую жизнь Милады опредѣлило именно это
обстоятельство...

Прибирая комнаты, она слышала часто,
какъ дѣвушки говорили между собою:

— Я и думать не хочу, что будетъ со
мною когда-нибудь.

Другая отвѣчала:

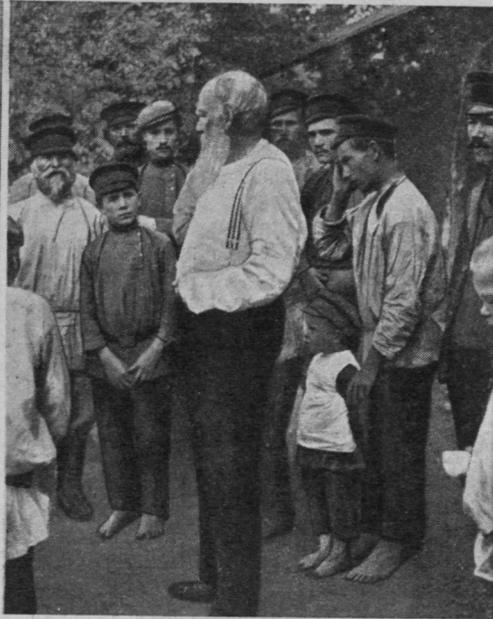
— Да что-же думать... Такъ или ина-
че — погибнемъ...

Милада удивлялась. Отчего онѣ такъ го-
ворятъ? Онѣ, которымъ вышло на долю
счастье быть у Гольдшайдеръ. Она знала
уже, что «Красный домъ» — одно изъ самыхъ
богатыхъ и шикарныхъ заведеній въ сто-
лицѣ. И гордилась его славою.

Каждой вновь поступившей Гольдшай-

Л. Н. Толстой у Черткова в Крекшинѣ.

Л. Н. Толстой бесѣдуетъ съ пришедшими къ нему крестьянами.

Левъ Толстой у В. Г. Черткова.

Въ недавніе дни Л. Н. Толстой гостилъ въ селѣ Крекшинѣ, Московской губ., у своего друга, посланнаго администраціей изъ Тульской губерніи.

Чертковы живутъ въ красивомъ домѣ своихъ родственниковъ Пашковыхъ, расположенномъ посреди парка, разбитаго въ англійскомъ стилѣ. Порядокъ дня тотъ же, что и въ Ясной Полянѣ,

чтобы не нарушать привычекъ великаго писателя.

Леонидъ Андреевъ.

«Круглый годъ, зиму и лѣто, провожу я,—сообщилъ нашему сотруднику Л. Н.,—на своей дачѣ въ деревнѣ Вамельсу (на Черной Рѣчкѣ).

Нынѣшнимъ лѣтомъ я не написалъ ни одной строки. Отдыхалъ. Пожалуй, единственнымъ моимъ развлеченіемъ были поѣздки на мо-

торной лодкѣ, которая доставила мнѣ много пріятныхъ часовъ.

Другимъ любимымъ развлеченіемъ является велосипедъ, на которомъ я совершаю дальнія прогулки по превосходнымъ финскимъ дорогамъ. Если прибавить къ этому пріятныя мнѣ заботы по улучшенію сада, окружающаго мою дачу, и не черпываются мои лѣтнія развлеченія. Впрочемъ въ нынѣшнемъ году я совершилъ еще интересную поѣздку за границу со своимъ другомъ Е. Ш. Чирковымъ. Посѣтили мы Голландію, Гамбургъ, Берлинъ. Никогда не изгладится изъ памяти впечатлѣніе, которое оставило во мнѣ посѣщеніе гамбургскаго порта. Сколько жизни, кипучей жизни, пестроты, яркости! Очень жалѣлъ, что мною не было кинематографа. Я сдѣлалъ фотографическіе снимки; но развѣ мертвая фотографія можетъ дать даже приблизительную картину шумнаго порта? Вообще, кинематографическій аппаратъ. Насколько я заинтересовался, вообще, фотографіей, вы можете судить по тому, что сейчасъ я пишу статью о цвѣтной фотографіи».

Осенью Леонида Андреева посѣтилъ кинематографистъ Дранковъ, сдѣлавшій рядъ снимковъ съ дачи и домашняго быта талантливаго писателя. Кроме того, граммофонная фирма командировала къ нему своихъ представителей, которые занесли на пластинки голосъ Леонида Андреева. Писатель продекларировалъ для граммофона отрывки изъ «Анаемы», «Жизни человѣка» и импровизировалъ рѣчь о современной критикѣ, о которой отзывался весьма ядовито.

Анадеминъ Н. К. Пимоненно пишетъ намъ:

«Первую часть лѣта я много работалъ у себя въ Кіевѣ. А потомъ захотѣлъ полнаго отдыха, новыхъ впечатлѣній, и я поѣхалъ за границу. Одновременно три моихъ вещи выставлены

Л. Н. Андреевъ съ женой въ таратайкѣ у своей виллы.

Л. Н. Андреевъ на своей моторной лодкѣ «Савва».

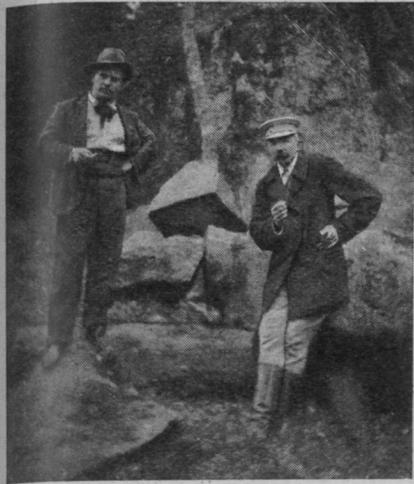

Л. Н. Андреевъ и его супруга въ дѣтской.

Л. Н. Андреевъ читаетъ въ американскій граммофонъ прологъ изъ «Жизни человѣка».

Писатели, художники и артисты.

Художники: Н. С. Самокиш и С. Ф. Колесников на этюдах в Финляндии.

были в Мюнхенѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Результатом моего появления на этихъ выставкахъ было единодушное приглашеніе меня въ члены международного общества художниковъ, во главѣ котораго стоитъ великій Роденъ. Правственный — большой успѣхъ. Много писали о моихъ картинахъ; журналы и газеты интересовались моей биографіей, печатали мои портреты.

Картина «Гопакъ» удостоилась въ парижскихъ Салонахъ почетнаго отзыва. Картина эта появится въ Россіи только зимой на передвижной.

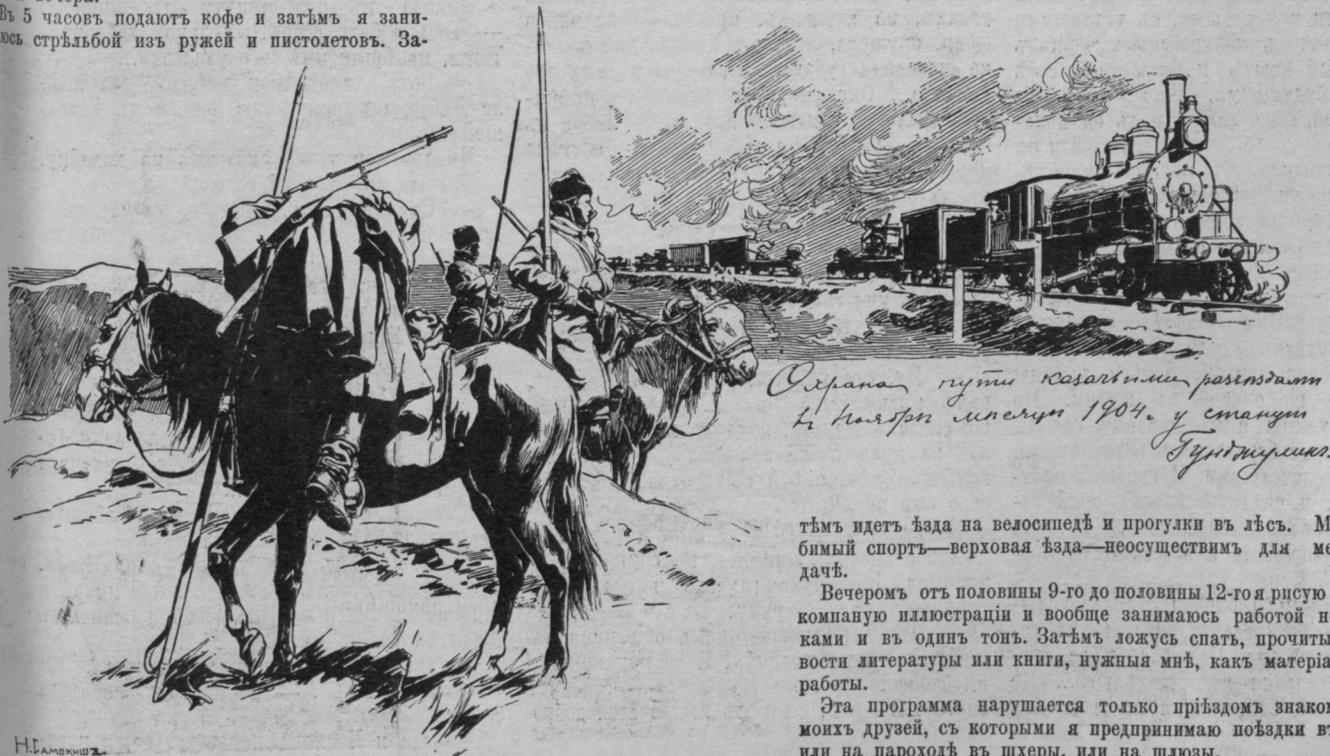
Академикъ Самокишъ пишетъ намъ:

«На дачѣ близъ Выборга, которая принадлежит моей женѣ, я бываю ежегодно вотъ уже 17 лѣтъ. Дача стоитъ на скатѣ гигантской скалы къ морю. Веду я жизнь чрезвычайно однообразную, повторяющуюся изо дня въ день. Встаю въ 8 ч. утра и несмотря ни на какую погоду купаюсь въ каменномъ бассейнѣ, который находится подъ окнами спальни и въ который вода накачивается изъ моря. Послѣ купанья пью чай на балконѣ дачи, а затѣмъ ѣду косить, рубить дрова или чистить дорожки въ саду, чѣмъ занимаюсь до половины десятаго. Затѣмъ сажусь за работу красками, это продолжается до 1 часу дня, (когда обѣдаю). Съ 2 часовъ занимаюсь опять въ мастерской или иду писать этюды до 5 час. вечера.

Въ 5 часовъ подаютъ кофе и затѣмъ я занимаюсь стрѣльбой изъ ружей и пистолетовъ. За-

1) Академикъ Н. К. Пимоненко. 2) «Гопакъ». —Набросокъ для «Огонька» съ картины, удостоенной награды на выставкѣ въ Парижѣ.

Н. Самокишъ

Оригинальный рисунокъ академика Н. Самокиша, присланный «Огоньку».

тѣмъ идетъ ѣзда на велосипедѣ и прогулки въ лѣсъ. Мой любимый спортъ — верховая ѣзда — неосуществимъ для меня на дачѣ.

Вечеромъ отъ половины 9-го до половины 12-го я рисую перомъ, компаную иллюстраціи и вообще занимаюсь работой не красками и въ одинъ тонъ. Затѣмъ ложусь спать, прочитывая новости литературы или книги, нужныя мнѣ, какъ матеріалъ для работы.

Эта программа нарушается только пріѣздомъ знакомыхъ и моихъ друзей, съ которыми я предпринимаю поѣздки въ лодкѣ или на пароходѣ въ шхеры, или на шлюзы.

Въ этомъ году, въ началѣ сентября, гостилъ у меня молодой пейзажистъ Колесниковъ и написалъ нѣсколько прекрасныхъ этюдовъ Финляндіи.

дерь говорила: «Изъ моего дома никто не уходитъ въ обидѣ и нуждѣ. Будьте бережливы и себѣ на умѣ! Тогда вы многого достигнете!»

Милада часто слышала это! И, подкрѣпленныя собственными ея наблюдениями, слова эти приобрѣли силу закона въ ея сознаниі. Она видѣла, какъ успѣвали инныя дѣвушки... Пріѣзжіе агенты, иногда гости выкупали дѣвушекъ и увозили съ собой...

Пребываніе у Гольдшайдеръ было блестящей рекомендаціей. Но большинство не слушались разумныхъ совѣтовъ хозяйки, швыряли деньгами, пили, заказывали кучи платьевъ, затягивавшихъ надъ ними петлю неоплатнаго долга. Мать ея тоже пила, объѣдалась и всегда была безъ денегъ. Но она, Милада, о, пѣтъ! Она не падетъ такъ низко! Она не погибнетъ! Дѣльной и разумной хотѣлось ей быть, чтобы всѣ въ «Красномъ домѣ», даже сама Гольдшайдеръ, гордились ею. Если-бы ей повезло! Повезло-же Анкѣ Баллингъ, которую увезъ съ собой молодой графъ Лауринъ. Онъ танцовать ее училъ, и теперь она танцуетъ въ большихъ, нарядныхъ залахъ, въ платьѣ, расшитомъ серебромъ. Про нее даже въ газетахъ писали. Правда, Анка была красива, а она, Милада, не была красива... День и ночь думала маленькая, сѣренькая горничная надъ своимъ будущимъ. Думала въ краткія минуты отдыха, такъ какъ работою заполнено было все ея время. Но она любила работу. Движеніе, уборка, чистка, спѣшка—это была ея стихія. Она понять не могла, какъ могли дѣвушки лежать часами въ кровати съ раскрытыми глазами и глядѣть на мухъ. Правда, онѣ бодрствовали ночью, когда она спала... И она мысленно оправдывала ихъ: «Онѣ устаютъ... Когда я буду въ салонѣ, тоже, вѣроятно, буду валяться долго, какъ онѣ»... Она знала, что въ салонѣ она будетъ. Гольдшайдеръ обѣщала ей это, когда мать умирала...

Грезы, думы Милады и ея усмія прозрѣть будущее были неизмѣримо далеки отъ крылатыхъ желаній другихъ дѣтей ея возраста.

Съ суровой, серьезной дѣйствительностью были онѣ связаны, и воображеніе Милады съ мучительною пытливостью обнимало лишь явленія изъ жизни, окружавшей ее. Изъ соприкосновенія съ несчастными, съ умирающими и мертвыми, съ уставшими и разбитыми—этотъ полуробеночъ черпалъ свой жизненный опытъ и воздвигалъ себѣ лѣстницу къ будущему... Что презрѣніе людское нависло, какъ скала, надъ ея молодымъ «я» и можетъ его уничтожить, ей и въ голову не приходило. Въ полномъ невѣдѣніи этой опасности, дитя черной Катерины вступило въ дѣвичій возрастъ...

Она тщательно копила крейцеръ за крейцеромъ, радовалась звону денегъ и любовно гладила двѣ серебряныя монеты, бѣлѣвшія среди мѣди... Она не хотѣла очутиться въ нуждѣ и болѣзни, среди чужихъ людей. И Милада любила деньги. Деньги должны были служить ей опорой въ жизни. Это трезвое дитя улицы и въ мечтахъ своихъ страстно и упорно боролось съ встававшими передъ нею препятствіями. И губы ея плотно сжимались, и свѣтлый блескъ очей заслѣняла вдумчивая осторожность, которая далеко чуетъ опасность и вооружается противъ нея.

Отъ привратницы Полифки Милада услышала въ одно воскресенье, что, когда всемъ состарятся она, Полифка, и ея старикъ, они поселятся въ богадльнѣ... Не въ убѣжищѣ для бѣдныхъ, а въ платномъ флигелечкѣ—съ садомъ... И тогда Милада зможетъ къ нимъ въ гости притти, въ ихъ садъ...

Милада широко раскрыла глаза:

— Ты знаешь навѣрно, что тамъ есть садъ?

Полифка знала это навѣрно... Тетка мужа тамъ жила... и какъ жила!.. Какъ въ раю!..

Что то блеснуло неожиданно Миладѣ во мглѣ далекаго будущаго...

— Полифка!.. И туда всемъ можно?..

Полифка сдѣлала важное, степенное лицо.

— Денегъ надо имѣть... это чтобы въ платное отдѣленіе. И смирой надо быть. Это два главныхъ пункта. И непорочной... Для такихъ...—Полифка сдѣлала рукою движніе вверхъ—для такихъ есть пріюты для бѣдныхъ...

Милада больше не разспрашивала. Она внезапно нашла выходъ изъ тѣснаго переулка своихъ мыслей. Въ зеленый садъ. Въ большой зеленый садъ съ каштановыми деревьями и скамьями, какъ въ саду военнаго госпиталя.

Когда уже старость и усталость, и нѣтъ охоты уже быть красивѣе и веселѣе другихъ... И тогда—садъ и комната, съ бѣлыми занавѣсками, бѣлая кровать... Будетъ ли это у нея?.. Смирной надо быть, сказала Полифка. Она смиренная... И денегъ надо. Она вздохнула... Денегъ всегда надо... И для всего! Объ этомъ она должна думать, пока молода и можетъ нравиться. Но непорочной?.. А она непорочна?.. Что это значить?.. Она повторила это слово, повторяла каждый слогъ отдѣльно и, не выудивъ изъ него никакого смысла, отказалась отъ надежды его понять...

III. Философъ.

Милада постучалась къ фрейлейнъ Дуббе.
— Это ты? Войди, войди, Милада...

Дуббе сидѣла передъ зеркаломъ и замшевой кожей усердно растирала румяна на прелестномъ тонкомъ личикѣ, въ вѣнцѣ легкихъ пепельныхъ волосъ.

— Довольно?

— Еще чуточку можно, — дѣловито поговорила Милада.

Дуббе со вздохомъ обвила руками шею Милады и, внезапно метнувшись къ дверямъ, исчезла. Милада покачала ей вслѣдъ головой и стала убирать комнату. Безпорядокъ царилъ невообразимый. Дорогое шелковое платье лежало на полу. Во всѣхъ углахъ, на стульяхъ, креслахъ валялись юбки, кружева, ленты... Милада укоризненно шевелила губами... Если бы мадамъ это увидала... Она засучила рукава и принялась было за умывальникъ, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, и опять влетѣла Дуббе, растерянная, блѣдная, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и со стономъ заметалась по комнатѣ... «Что я теперь дѣлать буду... Теперь все погибло... Господи! Господи! Я погибла... Отчего она не отпускаетъ меня... Я здѣсь съ ума сойду... И она не вѣритъ, она не вѣритъ, что меня здѣсь все съ ума сводить!..»

— Ну, послушайте, фрейлейнъ Мартель, вамъ вѣдь здѣсь хорошо... — успокаивающе сказала Милада, подходя къ ней съ метлой въ рукахъ. Ей знакомы уже были эти вспышки отчаянія и она знала, какъ быстро онѣ проходятъ.

Но на этотъ разъ дѣло было серьезнѣе... Дуббе смотрѣла на нее, не слушая и не понимая. Вздохнула глубоко и изо всѣхъ силъ дернула ее за руку:

— Ты, ты, знаешь, какъ она меня заманивала, эта негодяйка! И ея помощницы! «Добровольно пошла сюда», — говорить она.—Богъ мой, если это называется добровольно...

— Не принимайте этого такъ близко къ сердцу... Все это пройдетъ, перемелется, — утѣшала ее Милада. — Въ концѣ-концовъ,

здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Всѣ говорятъ...

— Всѣ!.. Кому мѣсто здѣсь!.. Не мнѣ! Я изъ другого міра... Я не могу! — Она схватилась за голову, зарыдала и швырнула на полъ билетъ въ сто гульденовъ.

— Четыреста гульденовъ я должна... За что? Чудовище! Вѣдьма! Негодница! Четыреста гульденовъ я должна? И она меня спасла, говорить она... Отъ кого? Отъ чего? Я заплачу... Я все заплачу... Пусть меня отпустятъ отсюда... Я все выплачу... Мнѣ гость эти сто гульденовъ подарилъ, англичанинъ. Я съ нимъ по-англійски говорила. И все ему рассказала... И онъ повѣрилъ... Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ ждалъ меня въ консултвѣ... Теперь уже поздно... Она меня не пускаетъ!.. Она погубитъ меня...

Рядомъ въ стѣнку постучались.

— Онѣ еще спать хотятъ — замѣтила Милада.

Дуббе не унималась...

— Я напишу совѣтнику... три года я у нихъ дѣтей учила... Какъ родная въ домѣ жила... — Она опять схватила Миладу за руки...

— Я порядочная, приличная дѣвушка, ты понимаешь!.. Я не вынесу жизни здѣсь!..

— Фрейлейнъ, но вѣдь это-же самое порядочное и самое приличное заведеніе во всемъ городѣ,—сказала Милада.

Дуббе молча поглядѣла на нее и разразилась громкимъ, истерическимъ хохотомъ.

— Это великолѣпно! Изумительно! Самое изумительное, что я слышала въ своей жизни... Ты и другія... вамъ мѣсто здѣсь... Но я не могу!.. Я изъ другого міра... Я учительница, понимаешь... англійскаго языка... У меня дипломъ... Я въ лучшихъ домахъ преподавала... Господи!.. Все, все погибло... Она сѣла за туалетный столикъ и заплакала.

— Послушайте, фрейлейнъ, — заговорила Милада, смахивая пыль съ мебели, — со ста гульденами, да еще съ криками вы отъ хозяйки ничего не добьетесь... Копите! Къ вамъ лучшіе гости приходятъ... Копите! Когда соберется у васъ хотя-бы триста гульденовъ и попроситесь на волю, Гольдшайдеръ васъ отпуститъ... Даже такую красавицу, какъ вы...

Дуббе рѣзко обернулась. Она увидала въ зеркалѣ стоявшую въ дверяхъ хозяйку.

Милада въ эту минуту доканчивала: — Только безъ ссоръ. Только добромъ... Тогда, повѣрьте мнѣ, все уладится...

— Вотъ... тебѣ твои деньги!—захрипѣла Дуббе, швыряя ногою деньги къ Гольдшайдеръ.

Милада испуганно смотрѣла на хозяйку. Мадамъ кивнула ей головой:

— Ступай внизъ, принеси зеленое шелковое платье... А ты,—обратилась она къ Дуббе,—собирайся. Черезъ два часа ты уйдешь. Очень жаль, что при своемъ образованіи и учености ты держать себя не умѣешь. Я ребенка твоего пристроила, отъ долговъ тебя освободила, лечила тебя... А теперь ты скандалишь... Нѣтъ, милая! Этого я въ своемъ домѣ не допущу. Умойся и причепись. Шелковое платье зеленое я тебѣ дарю. Принарядись. Черезъ два часа придетъ за тобою агентъ...

И ушла, не оглядываясь на онѣмѣвшую отъ изумленія дѣвушку.

Прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, прибѣжали старая Мосманъ, портниха, и Милада съ зеленымъ платьемъ, расшитымъ черными блестками.

— Она меня отсылаетъ отсюда... Я должна уѣхать... — растерянно лепетала Дуббе.

Милада и Мосманъ наряжали ее, и портниха вскрикивала и всплескивала руками:

— Такую красавицу отослать... Это невозможно... Идите сейчасъ же внизъ и

покажитесь ей... Не отпустить она вас!.. Такую-то красавицу!..

Милада причесала ей волосы, подбадривала ее, вымыла ей глаза душистой водой. И Дуббе безучастно двигалась в их руках, как автомат. Жалкой и пришибленной чувствовала она себя в этом шуршащем, великоблѣнном платьѣ. Но сверканье блеском зажигало оживленіемъ ея глаза.

— Если бы она только не отослала меня! — взволнованно сказала она и побѣжала вниз.

— Дура! — бросила ей вслѣдъ старая Мосманъ, и, вытащивъ изъ кармана сантиметръ, сняла съ Милады длину юбки.

Милада изумилась:

— Мнѣ?!..

— Ну да... Не въ этомъ же мѣшкѣ ты въ салонѣ будешь торчать...

— Въ сал...

— Ну да... Гдѣ же? — ворчливо отвѣтила Мосманъ.

Въ комнату съ ликующимъ возгласомъ влетѣла Дуббе.

— Она меня оставляет! Оставляет... И такъ на меня смотрѣла... И я сказала ей: «мнѣ хорошо у васъ было»... И она отвѣтила: «очень рада»...

— Ну, вотъ видите... Еще бы... съ такой красотой, — льстиво сказала Мосманъ.

Милада, сжимая въ рукахъ метлу, стояла у окна и смотрѣла на улицу. «Уже въ салонѣ? Такъ неожиданно? Неужели уже въ этотъ вечеръ она будетъ сидѣть въ салонѣ? Танцевать, пѣть и занимать гостей... Быть можетъ, и ей дадутъ зеленое шелковое платье. И подрумянятся... Тогда она будетъ красивѣе... Она взглянула на себя въ зеркало. Нѣтъ, нѣтъ — она некрасива. Когда Лаура и Джизи смѣются, то смѣется весь домъ. У Джизи такія ямочки на щекахъ и подбородкѣ... А она... у нея такое серьезное лицо. Она попробовала кокетливо улыбнуться. Но осталась и улыбкой своей недовольна. Она не красила ее. Ну, что же... е-

ли она не подойдетъ для салона, то опять работать будетъ... Она вспыхнула, устыдившись своихъ мыслей, и, взявшись за метлу, стала мести.

Дуббе сидѣла передъ зеркаломъ, подводила глаза и говорила:

— Четыреста гульденовъ, съ зеленымъ платьемъ пятьсотъ восемьдесятъ... Это я скоро сколочу... Она ихъ получить. Что, не вѣришь?.. Такая, какъ я... Которая умѣетъ себя такъ держать, и разговаривать... Увидишь...

Она распустила волосы, подобрала себѣ новую прическу и фальшивымъ голосомъ запѣла куплетъ изъ сентиментальной англійской пѣсенки.

Вечеромъ, когда въ салонѣ было шумно, свѣтло и весело, Милада сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ на кухнѣ и смотрѣла на огонь.

Полифка заваривала кофе и разливала по чашкамъ.

— Полифка, — вдругъ обратилась къ ней молчаливая Милада, — что это значить порядочная дѣвушка?

Привратница оторопѣло взглянула на нее.

— Это... это просто рехнуться можно отъ твоихъ вопросовъ...

— Я хочу знать, — медленно сказала Милада и провела рукою по лбу, какъ человекъ, уже много и тщетно ломавшій себѣ голову надъ чѣмъ-то...

— У насъ есть порядочныя дѣвушки? Или такія... порядочныя дѣвушки не идутъ въ заведенія...

— Оставь ты меня въ покоѣ со своими вопросами... Спать убирайся!.. Вотъ что!.. И, отвернувшись отъ умоляющаго блѣднаго лица, шумно завозилась у плиты...

Нѣсколько дней спустя, Гольдшайдеръ, выходя изъ своего кабинета, натолкнулась на Миладу, которая натурала лѣстницу.

— Эта работа не для тебя — сказала она, остановившись. — Гдѣ прислуга?

— Сегодня стирка, — отвѣтила Милада, — а мнѣ дѣлать нечего.

— Ты на мать похожа, — замѣтила хозяйка, — только будь умнѣй ея. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать...

«Сколько моеи Альмѣ», — мелькнуло въ головѣ Гольдшайдеръ, и въ ея сѣрыхъ, холодныхъ глазахъ пробѣжалъ теплый свѣтъ. У Гольшайдеръ была дочь, о которой знали лишь она и старый другъ ея, учитель, безобразный Гарнеръ.

Въ Дрезденѣ, гдѣ никто ея не зналъ, воспитывала ее она въ дорогомъ, аристократическомъ пансіонѣ, и ради нея работала, совершенствовала свое дѣло и копила деньги.

— Полифка съ сегодняшняго же дня устройте дѣвчонку въ комнатѣ Серафимы... И никакой грубой работы... Какія руки у нея!.. — сказала Гольдшайдеръ и ушла къ себѣ.

Милада молча слушала, и сердце ея быстро и громко стучало.

Новый мѣръ, новая жизнь...

Что ее ждетъ?..

Ярко-красную юбку, бѣлую батистовую кофточку и красную ленту для волосъ увидѣла Милада подлѣ своей кровати, когда проснулась на второй день въ своей новой комнатѣ.

Потомъ позвали ее къ хозяйкѣ.

Она долго стояла у дверей и ждала, пока Гольдшайдеръ дописывала письмо. Когда она кончила, подозвала Миладу къ столу и смѣрила ее глазами съ головы до ногъ.

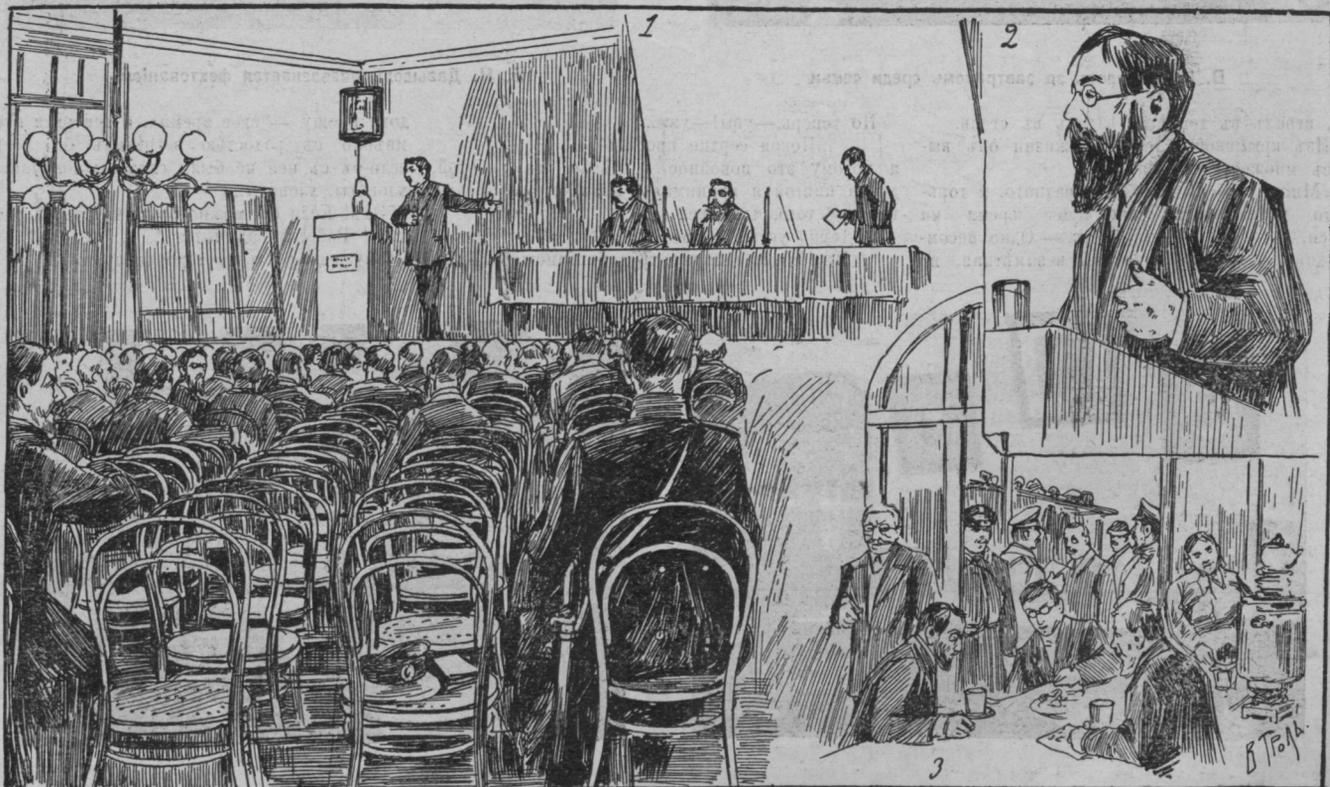
— Я беру тебя въ салонъ, — начала она, — ты дочь Катерины, еще она служила здѣсь. Гардеробъ ты получишь отъ меня въ подарокъ... Долга за тобой не будетъ, если я когда-нибудь передамъ это дѣло... Только мнѣ ты должна... Больше никому. Ты меня поняла?

— Да...

— Ты служила здѣсь четыре года, и

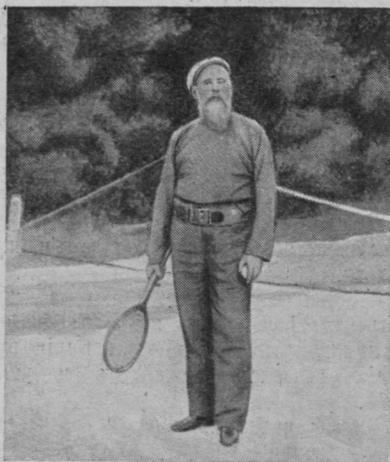
Выборы въ Госуд. Думу въ Петербургѣ. — Собраніе избирателей въ Соляномъ Городкѣ 17-го сентября.

Оригинальный рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» художника А. Троля.

1) Общій видъ зала собранія. 2) Н. Н. Кутлеръ говоритъ избирателямъ: — «Я не блестящій ораторъ, но говорю толково и понятно, и потому могу быть въ Думѣ полезнымъ». 3) У входа въ залъ собранія.

Какъ проводили лѣто писатели, художники и артисты.

Евг. П. Карповъ играетъ въ лаунъ-теннисъ.

Е. П. Карповъ прожилъ лѣто въ Алушкѣ. Ежедневно онъ купался въ морѣ, писалъ комедію, читалъ и гулялъ въ прекрасномъ паркѣ, любясь крымскою природою.

Въ Красногорскѣ **Е. П.** гостилъ у своего друга, гдѣ жилъ среди парка, окруженнаго безконечными степями, катался на велосипе-

педальная работа. Проснулася народная душа, и забродили въ ней долго спавшія силы. Крестьянина, рабочаго—не узнать: совсѣмъ другая повадка въ обращеніи съ бариномъ, другія слова, другія чувства.»

В. Н. Давыдовъ, артистъ Александринскаго театра, обыкновенно проводитъ часть лѣта въ гастроляхъ по провинціи. Остальное время **В. Н.** живетъ въ Финляндіи, на своей дачѣ въ Келломягахъ, гдѣ и отдыхаетъ физически и морально отъ тягостей своего продолжительнаго рабочаго сезона.

А. Е. Заринъ провелъ лѣто, не въ примѣръ другимъ писателямъ, въ одиночной камерѣ № 510 петербургской тюрьмы «Кресты», въ качествѣ «крѣпостнаго заключеннаго» по литературному дѣлу.

В. А. Тихоновъ пишетъ намъ:

«Еще ранней весной (въ началѣ марта) недуги моихъ ради выселился я изъ Петербурга въ Гатчину, да такъ здѣсь все лѣто и провелъ, подлѣчиваясь и работая.

Лѣчился тщательно,—работалъ усердно. Въ результатѣ—значительная поправка здоровья и комедія въ 4-хъ дѣйств. «Милые люди».

Помимо «Милыхъ людей», закончилъ и началъ еще нѣсколько работъ. Въ виду того, что мнѣ, по болѣзни, запрещенъ усиленный motionъ, почти все лѣто просидѣлъ дома и, будь я немного помоложе, навѣрное, ужасно бы скучалъ, такъ какъ моей подвижной и даже «передвижной» натурѣ такое упорное сидѣнье прежде было крайне несвойственно.

А. Е. Заринъ.

Хотя Гатчина и не «дальняя обитель»—всего 45 вер. отъ Петербурга,—но здѣсь мнѣ было хорошо. Навѣщали добрые друзья—хотя и нечасто; срывались в милыя, горячія бесѣды.. Я въ молодости—любилъ весну; но «каж-

В. Н. Давыдовъ за завтракомъ среди семьи.

дѣ, игралъ въ теннисъ, ѣздилъ въ степь.

Изъ крымской и степной жизни онъ вынесъ множество впечатлѣній.

«Много любопытнаго, и отраднаго, и горькаго творится въ настоящее время на Руси,—говорилъ драматургъ.—Одно несомнѣнно,—въ народѣ идетъ незамѣтная, но

Но теперь,—увы!—уже...

...Покою сердце просить!

а потому это покойное сидѣнье за работою, да за книгой я принималъ, какъ великое благо, въ виду того, что уже...

Давно усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ

Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ...

В. Н. Давыдовъ развлекается фехтованіемъ.

дому овощу — свое время», и теперь я несомнѣнно съ радостью встрѣтилъ бы осень, если-бъ съ ней не были связаны докучливыя хлопоты, хлопоты...

Эхъ! Если бы можно было читать да работать! Работать да читать!

Служенье музъ не терпитъ суеты!..»

Кабинетъ **В. А. Тихонова** съ его рабочимъ столомъ.

В. А. Тихоновъ за самоваромъ.

гардеробъ свой ты, въ сущности, заработала... Главное, значить, если я уйду отсюда, ты никому ни гроша не будешь должна, и сможешь уйти, куда пожелаешь... А теперь подпиши!..

Гольдшайдеръ придвинула къ ней листъ бумаги.

Милада взяла и прочитала его отъ начала до конца. Гольдшайдеръ молча и изумленно смотрѣла на нее. Дѣвушка кивнула головой и жесткими своими пальцами вывела свое имя.

— Будь разумна и тебѣ будетъ хорошо, — сказала мадамъ, — складывая листъ бумаги. — У тебя передъ другими то преимущество, что ты выросла здѣсь и знаешь жизнь. Ты много видѣла и слышала. Пользуйся этимъ. Если ты уйдешь отсюда съ деньгами — передъ тобою будетъ весь міръ.

Рѣшено было, что недѣль на шесть Милада перейдетъ въ ресторанъ, который держали Шарлотта и Зухеръ. И когда подучится тамъ обращаться съ гостями, вернется опять къ Гольдшайдеръ.

Вмѣсто шести недѣль Милада пробыла въ ресторанѣ шесть мѣсяцевъ. Ей повезло. И еще болѣе могла бы она преуспѣвать, если бы она сама не стала на пути своемъ къ полному успѣху.

Нѣсколько недѣль ею развлекался старый аристократъ, подарившій ей на прощанье пятьсотъ кронъ. Потомъ она перешла къ какому-то важному военному, а отъ него въ объятія одного берлинскаго банкира. Банкиръ ее баловалъ и задаривалъ платьями, цвѣтами, конфетами и общалъ брилліантовое кольцо. Онъ показывалъ ей портретъ своей берлинской возлюбленной, полной блондинки, съ задорнымъ лицомъ. И Ми-

лада удивлялась искренне, что послѣ такой великолѣпной женщины онъ могъ заинтересоваться ею — худощавой, скучной, съ смуглымъ лицомъ, къ которому такъ не шли румяна и смѣхъ. Она совсѣмъ не могла смѣяться и быть веселой, какъ ея подруги. И это огорчало ее, потому что могло ей повредить.. Какъ и въ «Красномъ домѣ», она и здѣсь, въ ресторанѣ итальянки, наблюдала, вглядывалась и вслушивалась... И подмѣчала всѣ оттѣнки различій, отдѣлявшихъ однихъ посѣтителей отъ другихъ, и однихъ жриць любви отъ другихъ. Жадно подмѣчала и ловила любопытные взгляды женщинъ, другихъ, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ знала съ ранняго дѣтства... И каждое впечатлѣніе глубоко входило въ ея голову и укладывалось, какъ камень, въ основу еще смутнаго ей сложнаго зданія.

Глухая, сѣрая стѣна вставала между ея міромъ и міромъ «другихъ», съ ихъ гордостью, презрѣніемъ, счастьемъ, законами и нравами... Навѣки чуждый, загадочный міръ.

Тяжкое, гнетущее чувство одиночества ложилось ей на душу. Въ тѣ дни впервые зародилась въ Миладѣ необходимость своего, особаго закона жизни, власть имѣющаго надъ всѣми эгоистическими стремленіями.

Когда берлинскій банкиръ уѣхалъ, Милада вернулась въ «Красный домъ».

Постояннымъ и неизмѣннымъ гостемъ Гольдшайдеръ былъ старикъ Гарнеръ, ея вѣрный другъ и совѣтникъ. Много лѣтъ назадъ, когда она осталась вдовой послѣ смерти своего благочестиваго мужа, торговца готовымъ платьемъ, Гарнеръ и падоумилъ ее взяться за это, болѣе прибыльное дѣло.

Днемъ Гарнеръ занятъ былъ частными уроками, вечера просиживалъ въ салонѣ «Краснаго дома».

Гарнеръ былъ человекъ, выбывшій изъ строя нормальнаго существованія. Озлобленность, порожденная физическими недостатками, развила въ немъ отвращеніе ко всякимъ законамъ, правиламъ и нормамъ обществённости.

Часто подзывалъ онъ къ себѣ одну, другую дѣвушку изъ «новенькихъ», которая еще была для него тайной, и принимался ее поучать:

— На почвѣ, унавоженной людьми, можетъ создаться современный гетеризмъ, организованный, одухотворенный, сознающій свою огромную социальную власть. Это было бы пощечиной кичливой наглости общества, которое заковываетъ жизнь въ свои бессмысленные законы. Дайте обществу пинокъ ногой... Вы, отдающія свое тѣло, молодость, цѣли въ жертву чужому наслажденію, — вы заслуживаете во сто разъ больше почета и правъ, нежели безкровныя, холёныя женщины, ограждаемыя колючей проволокой лживыхъ законовъ. Требуйте своихъ правъ, утверждайте свое достоинство!..

Съ Миладой онъ разговорился въ одинъ дождливый январскій вечеръ. Сама Гольдшайдеръ обратила на нее его вниманіе.

Кругомъ поднялись насмѣшки, шуточные окрики. Но Милада не отходила отъ него. Что-то новое, неожиданное послышалось ей въ его голосѣ и странныхъ, тяжело падавшихъ словахъ.

Онъ говорилъ ей вещи, далекия ея пониманію, но большой, трагическій смыслъ ихъ, который она угадывала, волновалъ ее, и она

Открытие сезона въ театрѣ „Пассажъ“ въ СПБ.—„Графъ Потодкій“, ком. опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка Рота.

Со снимка фотографъ журнала «Огонекъ» В. К. Булга.

Сцена 3-го дѣйствія.—Считая слѣва: Ефросинья, тетка (Щетинина), Иванъ, лакей Потодкаго (Грековъ), Ольга, кузина (Легаръ-Лейнгартъ), баронъ Деллагардъ, офицеръ саксонской службы (Милютинъ), маркизь Дюбарри, франц. посоль въ Константинополь (Тумашевъ), Софія, гречанка (Орель), графъ Феликсъ Потодкій (Августовъ), ген. Добрянковъ, комендантъ русской крѣпости (Николаевъ-Маминъ).

допытывалась, доискивалась, додумывалась своей неустанно-работавшей, чуткой мыслью.

Онъ говорилъ ей о вѣчности матеріи, о томъ, что каждая жизнь и каждое явленіе, — лишь временныя проявленія этой матеріи... И что смысла, закона, добра во всемъ этомъ нѣтъ... Надо только, значить, какъ можно ярче, полезнѣе, пріятнѣе для себя исполнить это кратковременное воплощеніе...

Миладу отзывали къ гостямъ, и она уходила, и опять возвращалась, и съ смутной надеждой понять что-то очень важное и нужное слухала странныя рѣчи безобразнаго старика.

— Видала-ли ты когда-нибудь навознаго жука?—говорилъ онъ.—На научномъ языкѣ онъ называется: «Scarabaeus Kopro-phagus».—Не видала?...—Ну, такъ вотъ... это маленькій, хорошенькій, блестящій жу-чекъ... Золотисто-зелененькій! Глядѣть на него—одно удовольствіе... Но стоитъ только взять его въ руку, и онъ обрызгаетъ тебя темной, вонючей, отвратительной жи-дкостью... Понимаешь? Это и есть идея на-возной кучи, которая воплощается здѣсь...

Навозный жукъ говорить: «я.. хе, хе... я здѣсь потому, что вы нагромождали здѣсь всякой гнили, мусору... Вотъ мнѣ и хоро-шо... расту, жирѣю... Если бы у васъ, ми-лые, все бы чистенькіе уголки были всюду... тогда бы не блестятъ нашему брату»... По-нимаешь, въ чемъ дѣло?..

Милада серьезно кивнула головой...

Она поняла.

— Хотѣлось бы тебѣ уйти отсюда, а? Уходи!

— Это невозможно!.. Я должна хозяйкѣ четыреста гульденовъ.

— Ха, ха, ха!.. Великобѣно!.. Но вѣдь ты свободна... Развѣ ты этого не знаешь?.. Никто тебя удержать не можетъ... Что ты дѣла Гольдшайдеръ? Неоплаченный счетъ... и все!.. Дверь открыта... ступай, говорю тебѣ!

И Милада, безотчетно подчиняясь власти его словъ, встала, пошла къ дверямъ. И также покорно вернулась къ нему, слѣдуя его безмолвному внушенію.

Гарнеръ смущенно, почти испуганно смо-трѣлъ на нее...

— Поразительно...—проговорилъ онъ.— Поразительно... Всѣ смѣялись... А она одна пошла...

И такъ эти два далекихъ, чуждыхъ другъ другу человѣка, заключили союзъ дружбы.

Въ Миладѣ Гарнеръ нашелъ достойнѣй-шую его идей ученицу. Такъ ему думалось. Наблагодарнѣйшій матеріалъ человѣческой, когда-либо попадавшій въ его руки. Отъ него онъ долженъ былъ получить форму, образъ, полную свою цѣнность.

Съ тѣхъ поръ, какъ Милада стала ду-мать, мысли ея кружились томительнымъ, бесплоднымъ вихремъ, не находя отвзвукъ въ окружающей ее дѣйствительности.

Личной волей порождаемыя желанія, на-дежды, ожиданія—все отодвинулось, отпа-ло, какъ сухія вѣтки...

«Въ нашей жизни,—говорила она себѣ, —нѣтъ ничего, къ чему, дѣйствительно, стоило бы стремиться».

Идешь медленно, шагъ за шагомъ... Дур-нѣешь, старѣешь, заболѣваешь... Три смер-тныхъ врага протитутіи, подстерегающихъ изъ-за угла каждую жертву... Выборъ остае-тся между улицей и больницей. Наиболѣе счастливыя кончаютъ въ богадльнѣ.

Мнимые успѣхи, мимолетныя удачи, блескъ, деньги,—все это не длительно. Толь-ко окольный путь, ведущій къ одному и тому же концу».

Въ салонѣ—хотя она и нравилась—ей не очень везло...

Миладу спрашивали о ея прошломъ и какъ она сюда попала; но она могла только

рассказать, что выросла здѣсь, что еще мать ея жила въ «Красномъ домѣ»... Въ этомъ ничего особеннаго не находили... Другія раз-сказывали романтическія, сложныя исторіи —и это было интереснѣе...

И у Милады оставалось одно только же-ланіе — угождать хозяйкѣ и гостямъ. Это ей удавалось—она была молода, сговорчива и любила порядокъ.

Одно только угнетало ее: у нея настоящей работы не было. Съ непривычки къ праз-ной жизни она глубоко страдала отъ без-дѣлья. И въ одинъ прекрасный день она вошла утромъ въ салонъ и, къ удивленію горничной, принялась за уборку.

Это вскорѣ стало опять естественной для всѣхъ вещей: Милада опять исполняла вся-кія по дому работы, но увѣреннѣе теперь, самоотвѣтственнѣе. Входила въ веденіе хо-зяйства, въ организацію дѣла, удивляя Гольдшайдеръ, ея поставщикомъ и агентомъ своей дѣловитостью и практическимъ смы-сломъ.

По вечерамъ продолжались ея бесѣды съ Гарнеромъ.

Самое цѣнное и значительное, что онъ ей давалъ, это было сознание своей собствен-ной и ей одной принадлежащей личности. Она переставала считать себя только до-черью своей среды, только полезнымъ ору-діемъ Гольдшайдеръ, обреченнымъ на без-прекословное исполненіе своихъ обязанно-стей... Такъ-же, какъ она гордилась когда-то своей матерью, она гордилась потомъ сла-вою и процвѣтаніемъ «Краснаго дома». И это была главная и единственная въ ея душѣ непоколебимая твердыня.

Гарнеръ разрушилъ ея наивную вѣру въ значеніе и цѣнность «Краснаго дома», и за-мѣнилъ ее вѣрой въ свободу и неприкосно-венности ея человѣческаго я.

Такъ складывалось подъ вліяніемъ Гар-нера въ сознаніи Милады новое, прочное зданіе. Но достроила его она одна, и со-всѣмъ не такъ, какъ Гарнеру мечталось. Совсѣмъ по иному...

Невѣроятное, поразившее всѣхъ извѣстіе разнеслось по всѣмъ этажамъ «Краснаго до-ма». Гольдшайдеръ продавала заведеніе.

Она давно уже тайно носилась съ этой мыслью. Денегъ она накопила для своей до-чери достаточно. И потянуло ее вдругъ до муки далеко, далеко изъ этой жизни въ другую, которая приблизила бы ее къ доч-кѣ въ аристократическомъ пансіонѣ. Теперь она имѣла возможность жить мирной, поря-дочной жизнью и смыть грязь, приставшую къ ней за долгіе годы...

Такъ думалось ей въ безсонныя старче-скія ночи. И она рѣшилась. Извѣстіе о пе-реходѣ дома въ другія руки потрясло всѣхъ пансіонерокъ, какъ несчастье...

Волновалась и Милада.

Впервые еще она строила планы, пере-носившіе ее изъ «Краснаго дома» въ другой міръ, въ другую обстановку, но ни одна картина не выисовывалась ясно и опредѣ-ленно въ ея сознаніи... Гольдшайдеръ гово-рила: «Міръ великъ...» Гарнеръ проповѣды-валъ: «Будь свободна въ мысляхъ сво-ихъ...».

Но цѣни свои несеть она, только она. Дверь открытъ у нея хватить отваги... Но угожливо смотрѣть людямъ въ глаза, выма-нивать слово, расположеніе... лгать о себѣ и о своемъ прошломъ... Никогда! Что-то глу-хо и мощно поднималось въ ней. Не нена-висть и не злоба къ міру. Странное что-то и новое... Смутное сознаніе неразрывной, внутренней связи съ этими, что останутся здѣсь...

Это чувство не укладывалось въ слова. Но она была вся въ его власти и знала, что гдѣ бы она ни очутилась, оно послѣдуетъ за ней и призоветъ ее обратно... Оно спайно

было со всѣмъ, что развилось въ ней, оно бо-ролось съ личными порывами, съ чувствомъ личности, оно торжествовало надъ гордымъ «я» Гарнера...

Она удивилась, когда Гарнеръ на ея при-творное заявленіе, что она покидаетъ «Крас-ный домъ», сталъ осыпать ее упреками. Да, Гарнеръ тоже убѣждалъ ее остаться... И то, что неосознанно волновало ее, въ его сло-вахъ отложилось въ новую, путеводную нить.

— Здѣсь ты должна остаться,—сказалъ онъ,—отсюда ты можешь завоевать міръ. Пей, пей изъ кубка, который ты сама за-черпнула. Ничего другого не надо тебѣ. Ты достаточно богата. Ты научилась думать, ты сильна и смѣла, у тебя душа есть. Ты бога-та. И все это ты хочешь потратить въ міръ, гдѣ его имѣется въ избыткѣ? Къ людямъ? Къ счастливымъ? Оглянись кругомъ! Создай изъ пролетаріата отверженныхъ дѣвушекъ, сознательныхъ, людей! Научи ихъ бороться! Для этого я тебя воспитал!

Ты полюбишь ихъ, говорю тебѣ, всѣхъ этихъ отверженныхъ, истерзанныхъ, изму-ченныхъ... И быть можетъ, эта любовь бу-детъ факеломъ, сжигающимъ алтари. Ты не уничтожишься въ этомъ самопожертво-ваніи!..

Нисколько... Слушай! Какъ бурно и гроз-но бы ни было море челоѣколюбія, въ ко-торое ты пустишься, устье его все-таки только маленькій родничекъ среди болота и называется онъ эгоизмомъ...

Милада слушала Гарнера и мысли ея блу-ждали въ пространствѣ, гдѣ ни одинъ пред-метъ не входилъ въ ошутительную полосу зрѣнія, и все было близко, и теплою болью обнимало ея сердце...

«Красный домъ» переходилъ къ пѣкой фрейлейнъ Жозефинѣ фонъ-Миллеръ, по-жилой, сухощавой, почтенной дѣвицѣ, двадцать пять лѣтъ состоявшей экономкой при одномъ духовномъ лицѣ. За смертью сво-его хозяина она рѣшилась обратить свои сбереженія въ дѣло, которое обезпечило бы ей мирную, тихую старость... Гольдшайдеръ презрительно и тонко улыбалась, слушая ея церемонныя, достойныя рѣчи... Фрей-лейнъ фонъ-Миллеръ повѣрила ей свою меч-ту о могилѣ рядомъ съ «незабвенной памя-ти» хозяиномъ...

Но мысленно Гольдшайдеръ была уже далеко...

Въ домѣ царил тревога. Объ отъѣздѣ Гольдшайдеръ уже знали и гости, старые знакомые.

При посѣтителяхъ и у себя въ комнатахъ пансіонерки только объ этомъ и могли гово-рить, волновались и осыпали хозяйку упре-ками, бессмысленными и жестокими.

Всѣмъ видѣлась въ ея уходѣ измѣна. Часто плакали.

Но томили всѣхъ, конечно, только тре-вога и страхъ за будущее, за свой завтраш-ній день...

Гольдшайдеръ хотѣла избѣгнуть общихъ, торжественныхъ проводовъ и прощанія. Мо-гли быть поцѣлуи и объятія, собирались, она знала, и цвѣты преподнести, рѣчь готови-лась... Но былъ возможенъ и скандалъ, упреки, слезы... Она рѣшила ухватить неза-мѣтно, ни съ кѣмъ не простившись.

И, собравшись въ путь, позвала къ себѣ только Миладу. Ей она оставалась своего единственнаго, неизмѣннаго друга Гарнера. Ей она могла дать и послѣднія распоряже-нія...

— Надѣюсь, ты никому не проговоришь-ся... Я черезъ часъ уѣду...

Если на мое имя телеграмма будетъ, перешли мнѣ въ отель-Рояль. И Дуббе, по-жалуйста, отсюда не пускай... пока я не уѣду... (шутливо) (шутливо)

Она помолчала немного и добавила:

— И вот еще что... Смотри, чтобы Гарперь не замутил окончательно головы твоей... Жизнь проста, и вовсе не так запутана и требовательна, как ему кажется. Иди прямой дорогой! Думать много и мудрствовать, как он, — это только слабость... Советую тебе подумать, присмотреться, не сможешь ли подмогой быть новой хозяйкѣ... Она толку в дѣлѣ не знает. Если ты будешь благоразумна, то...

На этихъ словахъ въ контору вошла сама Фрейлейнъ Миллеръ, и ея преждевременный приходъ разстроилъ планъ Гольдшайдеръ, и случилось именно то, чего она боялась и хотѣла избѣгнуть. Пока она передавала Фрейлейнъ Миллеръ счета и ключи, въ комнату, какъ разъяренная львица, вбѣжала Дуббе и огласила домъ истерическимъ воплемъ:

— Нѣтъ, такъ вы отсюда не уйдете... И никто меня не тронетъ, — взвизгнула она, когда Милада приблизилась къ ней, — при мнѣ ножъ!..

Дуббе подняла кулакъ въ сторону Гольдшайдеръ.

— Со мной еще, со мной надо счеты свести... Останусь я здѣсь или нѣтъ? Отпустятъ меня, наконецъ, или нѣтъ?..

— Обратись теперь къ новой хозяйкѣ, — съ усилиемъ, но еще владея собой, сказала Гольдшайдеръ. — Но за тобою нѣсколько сотъ гульденовъ долгу...

Миллеръ въ недоумѣніи и испугѣ водила глазами.

— Что это значить?.. Я ничего не понимаю...

— Живодерка! Грабительница! — кричала Дуббе. — Довольно, довольно съ меня

вашъ карманъ набивать... Ни шагу отсюда! Я хочу знать, гдѣ мой ребенокъ... Понимаете? Ни денегъ, ни милости... Адресъ мнѣ дайте...

— Фрейлейнъ Миллеръ, — сказала Гольдшайдеръ, — мой повѣренный внесетъ вамъ двѣ трети ея долга... Отпустите ее...

— Не вливай, вѣдьма старая!.. Адресъ мнѣ ребенка!.. Такой вотъ маленький былъ онъ, когда его отняли у меня...

У Гольдшайдеръ потемнѣло въ глазахъ. Выхода не было. Одинъ видъ Дуббе заглушилъ въ ней мысль о бѣгствѣ.

— Слишкомъ поздно проснулось твое материнское чувство. Ступай въ родильный пріютъ... тамъ знаютъ...

— Была! Три раза ходила туда!.. Милада, ты знаешь!.. Скажи ей, канальѣ, знаютъ-ли они тамъ, куда мой ребенокъ дѣлся... Я на висѣлицу тебя поведу, если мнѣ ребенка моего не вернешь...

Гольдшайдеръ съ достоинствомъ выпрямилась. И, обращаясь ко всемъ, заговорила:

— Глядите! Я ее нашла въ долгахъ съ головы до ногъ... Оборванную... Изъ жалости пристроила ея ребенка... Да, пристроила его... Тогда она проситъ, чтобы ее взяли въ заведеніе... Отецъ неизвестенъ... Ребенокъ... я знаю... быть можетъ, онъ и умеръ...

— Господи! Господи!.. — вскрикнула Дуббе и заматалась. Она вдругъ поняла... Гольдшайдеръ не знаетъ ничего о ребенкѣ... Она затихла. Согнулась, опустилась.

— Она ничего не знаетъ, — прошептала она... Но, вѣдь, это невозможно... Гдѣ же... гдѣ же онъ? Онъ, вѣдь, записанъ... Крещеный... — Она подошла къ столу... — У васъ такъ много бумажекъ здѣсь, — продолжала она шопотомъ. — Поищите... ради Бога... по-

ищите адресъ... быть можетъ, навѣрно, завалился гдѣ-нибудь... Я такъ мучаюсь... День и ночь я слышу, какъ онъ плачетъ...

— Фрейлейнъ, мы въ полицію пойдемъ, — вмѣшалась дородная привратница, мать четырехъ дѣтей. — Мы его найдемъ. Вы скажите, когда онъ родился, и какъ его окрестили...

Дуббе положила ей на плечи дрожавшія руки.

— Я не знаю... Даже личика его не помню... Онъ — Гольдшайдеръ и сидѣлки все устроили... Шестъ лѣтъ, говорили онъ, надо ежемѣсячно посылать деньги... Потомъ я буду свободна... Я больна была, слабая... А онъ надо мной: отдай, отдай его... Господи, гдѣ же онъ... Холодаетъ, быть можетъ, голодный, бьютъ его... Даже личика его не помню... Господи!..

Она всхлинула, покачнулась въ одну, другую сторону и упала на руки къ подбѣжавшей къ ней Миладѣ.

— Она съ ума сошла, — сказала Гольдшайдеръ и взялась за ридикюль.

— Ее въ сумасшедшій домъ надо, — повторила она, обращаясь къ Миллеръ, которая растерянно смотрѣла по сторонамъ и тяжело дышала...

— Да... но вы... но вы... — начала она возмущенно.

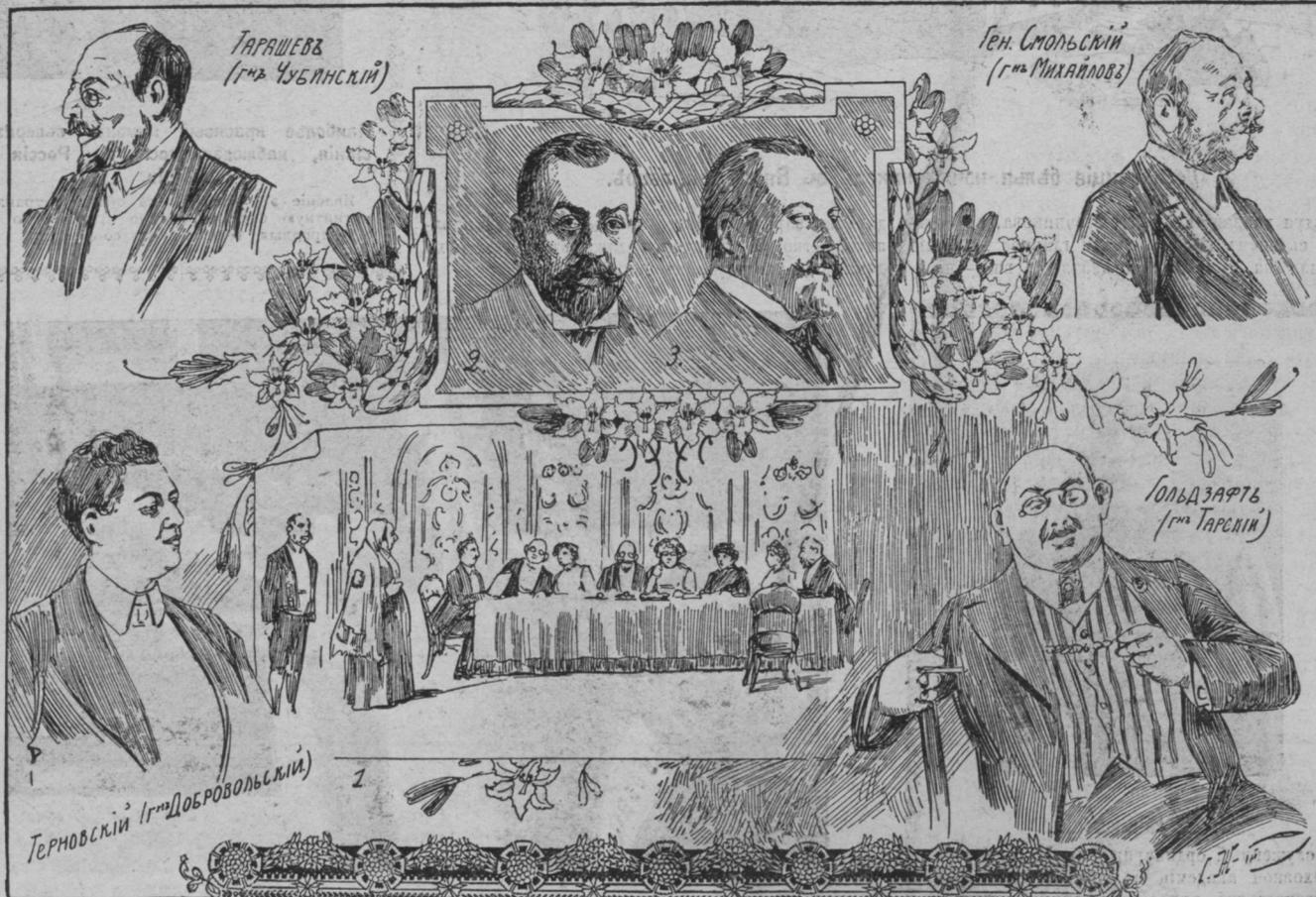
— Закройте за мною двери на ключъ! — бросила Гольдшайдеръ привратницѣ. Въ одно мгновеніе пробѣжала мимо оторопѣвшихъ лицъ, тѣснившихся въ корридорѣ, и безъ шляпы выбѣжала изъ подъѣзда.

Дверь «Краснаго дома» съ глухимъ стукомъ захлопнулась за ней.

(Вторая и послѣдняя часть въ слѣдующемъ № „Огонька“).

„Звѣзда нравственности“, новая комедія В. В. Протопопова на сценѣ Малаго театра, въ СПБ.

Оригинальные рисунки съ натуры художника журнала «Огонекъ» С. В. Живописцаго.

1) Сцена 3-го акта. 2) Авторъ комедіи В. В. Протопоповъ. 3) Авторъ постановки Н. Н. Арбатова.

Пьеса рисуетъ свѣтское общество, состоящее изъ хищниковъ разнаго сорта. Міру свѣтскихъ мошенниковъ противопоставленъ міръ отбросовъ, людей «дна». Ни откуда про- свѣта, и даже молодая дѣвушка легко изменяетъ искреннему чувству ради золотого мѣшка.

Ген.-м. В. Н. Стаценко,
ординарный профессор николаевской
инженерной академии.
(Къ 30-лѣтнему юбилею).

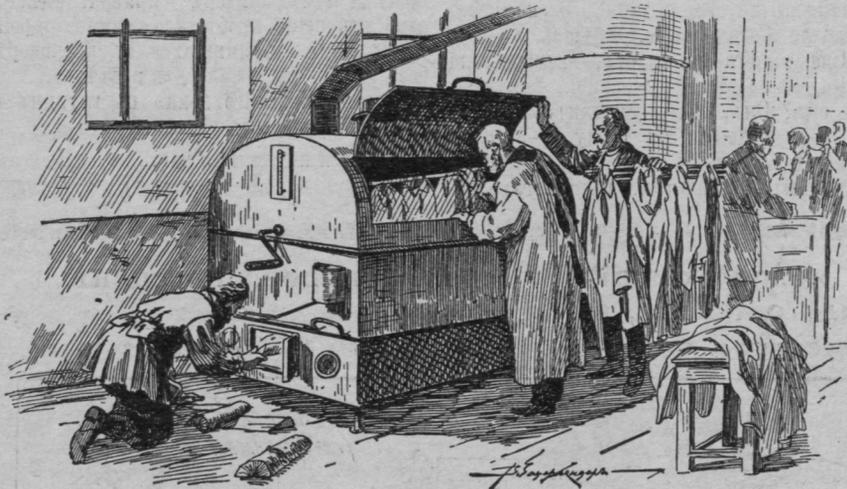

Чествованіе въ Собраніи арміи и флота въ СПБ. протопресвитера военнаго и морского духовенства А. Желобовскаго, въ день 50-лѣтія его служенія въ іерейскомъ санѣ, 17-го сентября.

Группа участниковъ торжества.—Въ центрѣ: баронъ Мейендорфъ (1), протопресвитеръ А. Желобовскій (2), протоіерей В. Ставровскій (3).

БОРЬБА СЪ СЫПНЫМЪ ТИФОМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

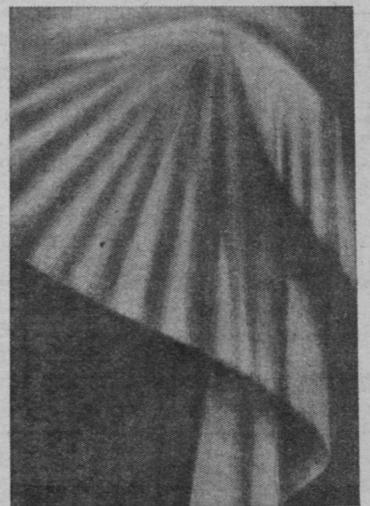
Оригинальный рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» художника В. Зауерлендера.

Дезинфекція бѣлья ночлежниковъ въ Вяземской лаврѣ.

Слѣдуя указаніямъ проф. Мечникова, въ борьбѣ съ сыпнымъ тифомъ, врачи главное вниманіе обратили на уничтоженіе платяной вши—пере-

датчика заразы. Тщательной дезинфекціей паразиты легко уничтожаются даже въ ночлежныхъ домахъ до ухода утромъ посѣтителей.

Наибольше красивый моментъ сѣвернаго сіянія, наблюдавшагося въ Россіи и Швеціи.

Явленіе это вызвало въ обѣихъ странахъ магнитную бурю, временно прервавшую международныя телеграфныя сообщенія.

Н. В. Покровскій,
заслуженный ординарный профессоръ спб. духовной академіи и директоръ Императорскаго спб. археологическаго института.
(Къ 35-лѣтнему юбилею).

Сенаторъ С. Г. Коваленскій, покончившій самоубійствомъ 17-го сентября, на смертномъ одрѣ въ своемъ кабинетѣ.

Со снимка фотографа Я. С. Мантейфеля.

ЛЯ ВСЯКАГО СПОРТА

костюмы, свetry, фуфайки, брjоки-чудки, гамашы, пояса, подтяжки, фуражки, перчатки, шарфы, сорочки, фланелев. оксфордъ и др.

Спорт. обществ. скидка 10%.
Ю. ГОТЛИБЪ, телефонъ 49—36.
СПБ., Владимирск. пр., 2, уг. Невского.

**СИГАРЫ
ГАВАНЕРА**
все лучше, —
да лучше!

**Много денег
Зарабатывать**

можетъ всякій, научившись выдѣлывать мыло по моему руководству и рецептамъ. Мыло по моему способу обходится 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. пудъ, выдѣляется холоднымъ способомъ со всѣмъ безъ варки, можно выдѣлывать въ любыхъ пропорціяхъ, даже нѣсколько фунтовъ, замѣчательно твердо, красиво блѣдое мраморное, синее, сѣрое, розовое и желтое, не уступая вареному мылу, которое стоитъ 4—5 руб. пудъ. За качество мыла на парижской выставкѣ получилъ дипломъ высшую награду Grand Prix съ золотой медалью. Не надо затраты на объявленіе и устройство, выдѣлка такъ же и обученіе очень легко и со всѣмъ не сложно; за обученіе взимаю 15 р., по полученіи 5 руб. задатка высылаю руководство и рецепты наложеннымъ платеж. на остатокъ.

Адресъ: Одесса, мыловаренный заводъ

Х. КОГОНА.

Контора: уг. Базарной и Ришельевской № 45/43—2. Телефоны 12—52 и 50—99.

МАТРАЦЫ, КРОВАТИ

мѣдныя, никелир. отъ 25 р. Мраморн. умывальники отъ 15 р. Громадный выборъ всевозможныхъ кроватей, умывальниковъ по очень дешев. цѣнамъ. Товаръ высшего качества, съ гарантией. Симеоновская ул., № 6 угол. Мохов. **А. Е. ПРЪЛОВСКІЙ.**

Допускается
разсрочка.

„ГРИФОНЪ“ и „ПИОНЕРЪ“

Лучшіе табаки въ мѣрѣ, 1—60к. и 2—60к. за 1 фун., возвышеніе акциза не повлияло на ихъ качество. Отправка почтово во всѣ мѣста Россіи. Скл. Крымъ и Кавказъ въ С.-Петербургѣ, Литвиный пр. 21.

**Новое универсальное цѣлебное
СРЕДСТВО ОТЪ РЕВМАТИЗМА**

и другихъ болѣзней—это:
„Бальзамъ Е. О. Околыскаго“.
СПБ., Б. Моисовская, 6. Тел. 86—16.
Цѣна фл. 1 р. 60 к., съ перес. въ Евр. Россіи: 1 флак. 2 р. 10 к.; 6 флак.—10 р. 60 к. Торговцамъ скидка.

СУЩЕСТВ. СЪ 1867 Г.

КАРМАННЫЕ СЪБЫННЫЕ ЧАСЫ ДОРОЖНЫЕ БАШЕННЫЕ
Ф. ВИНТЕРЪ
Торговый Домъ
ФРИДР. ВИНТЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. 78
С. ПЕТЕРБУРГЪ
КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО

ЛЕОНАРДИ.

СПБ. Пассажъ, маг. № 53.
— БРИТВЫ —
и полныя бритвен. приборы исключительно лучшихъ качествъ.
Цѣны весьма дешевыя.

КАКЪ НЕБРЕЖНО

относятся иногда люди къ себѣ, когда не обращаютъ достаточнаго вниманія на свою постель. Они совершенно забываютъ, что человекъ проводитъ въ ней одну треть своей жизни: поэтому важно для здоровья имѣть всегда здоровую и изящную постель. Я, какъ специалистъ и фабрикантъ, совѣтую многоуважаемымъ моимъ покупателямъ захватить коммѣ въ магазинъ, гдѣ они найдутъ всегда громадный выборъ здоровыхъ, удобныхъ и изящныхъ постелей, а также умывальниковъ, дѣтск. кроватей, кресель для больныхъ и проч., и проч. по всема доступнымъ цѣнамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

А. Прѣловскій.

Магазины: Гороховая, 27, у Каменнаго моста, тел. 26—37.
» Загородный пр., 15.

Фабрика: Тургеневскій просп., 7, собств. домъ.

!Для глуховатыхъ!

Слуховые аппараты (телефоны) для усиленія слуха «**АУРИФОНЪ**». Изобр. шт.-кап. Р. Лагусъ. въ Або-Финлянд. Аппар. изгот. исключ. всемирно-извѣсти. фирмою **Л. М. Эринсонъ и Ко—Стокгольмъ**. Подр. свидѣн. выс. безп. по первому треб. Главн. предств. для всей Россіи **Александръ Константиновичъ ГЕХЕЛЬ**, Тучковъ пер., 20, кв. 84.

Единственное въ мѣрѣ
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОЗРАЧНОЕ
ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
СПБ. П. А. МИЛЛЕРЪ. СПБ.

**КАКАО
ЭЙНЕМЪ**

**САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.**

**ТРЕБУЙТЕ
ВЕЗДѢ.**

ПАВЕЛЬ БУРЕ
Поставщикъ Двора
Его Величества
СТ. ПЕТЕРБУРГЪ: Невскій пр. 23
МОСКВА: Кузнецк. м. уг. Неглинн.
Иллюстр. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

СОБСТВ. ФАБРИКИ

ОЗОН

оздоравливаетъ воспаленныя ткани желудка и кишекъ,
УСТРАНЯЕТЪ ЗАПОРЫ.

облегчаетъ геморроидальныя страданія, уничтожаетъ тошноту, изжогу и вздутіе живота. Потребуйте моюнкиту «**ОБЪ ОЗОНЪ**».

Она научитъ Васъ какъ избавиться отъ желудочныхъ страданій. Я долго работалъ надъ этими вопросами и вышлю Вамъ свою **КНИГУ БЕЗПЛАТНО**. Д-ръ Мед. **АНТОНЪ МЕЙЕРЪ**. Химич. Лабор. СПБ., Екатерин. кан. № 29. 48

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАВОДОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ
Конрадъ Ярнушкевичъ и Ко
СП. ПЕТЕРБУРГЪ, МОРСКАЯ, 115 (тел. 2673)
МОСКВА ВАРШАВА
Б. Лубянка д. Стрѣльц. Двѣтъ Трубная ул. 19, соб. домъ

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО для НѢЖНОСТИ, СВѢЖЕСТИ и БѢЛИЗНЫ РУКЪ и ЛИЦА

СГУЩЕННЫЙ БЕРЕЗОВЫЙ СОКЪ
(succus Betulae concentratum).

Приготовленный въ Лабораторіи **А. ЭНГЛУНДЪ**.
Завѣдующіе Лабораторіею Доктора **В. К. Панченко** и **А. К. Энглундъ**.
Цѣна трубочки 50 коп., съ пересылкой 2-хъ трубочекъ 1 руб. 50 коп.
Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратитъ особенное вниманіе на подписи **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которая имѣется на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агенства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ — Эмиль Беръ; Вѣна — Лео Глаубаухъ; Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца — Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ — **Л. Мишертъ**.
Главный складъ для всей Россіи **А. ЭНГЛУНДЪ**, С.-Петербургъ, Новодеревенская набережная, 13.

БАЛЬЗАМЪ ПУЗИНА
ОТЪ ПОТА

предохран. всѣ части тѣла и уничтожаетъ его запахъ въ 3-4 дня. Главн. бна въ магазинахъ Торг. Дома **ГЕОРГІИ ПУЗИНА**: * Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1) Литейный пр., 21 и 2) Владимірскій пр., 8. * Въ МОСКВѢ: у Ш. **Фортье**, Пассаажъ **Джамгаровыхъ**.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!
Ц. фл. 60 к.

Для внутренняго освѣщенія.
Безъ фитилей!
Безъ накачиванія!
Сила свѣта 175 св.!
Цѣна 25 рублей!
Техническая контора
„ПРОМЕТЕЙ“.
С.-Петербургъ,
Николаевская ул., № 77.

А. СКОРНЪ
бывш.
23
Нешель
Морская ул.

ПРЕДМЕТЫ изъ янena и алпа-раты для выжиганія.
ТЕРРАНОТА и эмалеваыя ирасни.
ХУДОЖНИКАМЪ всѣ принадлежноты и ирасни.
ВИТРАФИАНЕНЪ для оконъ аршинъ отъ 25 нол.

Продается во всѣхъ книжн. маг., кіоскахъ и на станц. ж. д. книга:
КРАТЧАЙШІЙ и ДОСТУПНОМЪ КАЖДОМУ ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ!

Биржевыя операциі.
Популярное руководство, написанное челоѣкомъ, которому удалось достичь успѣха.
Краткое содержаніе. Что такое Биржа. Сущность и характеръ биржевого торга. Биржа—колыбель богатства. Примѣры изъ жизни Ротшильдовъ. Общедоступность операциі на Биржѣ. Практика биржевыхъ операциі: кредитъ, выборъ банкира, выборъ бумагъ, офѣнка момента и опредѣленіе видовъ на будущее бумагъ, указатель ходкихъ бумагъ, стоимость содержанія ихъ на окольномъ счету, примѣры и результаты правильно расчитанныхъ оборотовъ съ пѣнными бумагами, доказы ваящія, что ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить челоѣка, какъ удачныя операциі на Биржѣ.

Цѣна книги 50 к. (можно марками).
Выписыв. отъ изд. Ав. Ив. Зейдмана—СПБургъ, Сергіевская, 58,—за пересылку не платятъ.
Налож. платежомъ 75 коп.
Телеф. 50—63.

ДЕНЬГИ

БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ
до 1,000 р. на годъ (и по особ. согла. до двухъ лѣтъ) предлагаютъ имѣющимъ: постоян. службу, торговлю, движ. или недвиж. На высылку разрѣш. правит. условій прислать конвертъ съ выпис. своимъ адр. и штемп. или накл. маркою.
С.-Петербургъ, главн. почтамтъ, г-ну Ла-Никка.

200 руб. награды

получить каждый, который докажетъ, что предлагаемый нами по небывалой до сихъ поръ цѣнѣ граммофонъ съ 12-ю пластинками и 1000 игол. не стоитъ назначен. имъ цѣны— всего только 12 р. 85 к. съ пересылкою. Требуите и убѣдитесь! Изящный и прочный граммофонъ **„САЛОНЪ - КОНЦЕРТЪ“**, новѣйшаго типа знаменит. марки **„Монархъ“**, не уступающій самымъ дорогимъ и превосходящій ихъ по силѣ и звуку. Замѣчательная красота звука. Устранено всякое шипѣніе. Заводъ боковой, съ регуляторомъ для скорой и медленной игры. Рупоръ цвѣтной **„Лотосъ“**, мембрана двойная концертная **„Симфоніонъ“**. Размѣръ грам. ящика 20×20×10 сантиметр. Мѣр. цвѣт. ной трубы 30×40 сант. Заказы исполняются валожен. платежомъ и безъ задатка; при полученіи же всѣхъ денегъ впередъ прилагаемъ еще 4 пластинки бесплатно. Адрес. просимъ: Единств. предст. французск. фабрики граммофоновъ **К-о „БЪНЪ“, ВАРШАВА**, Отд.—33. Концертн. пласт. **„Грандъ-Экстра“**, разм. 25½ сантиметр.
— Цѣна 95 коп. и 1 руб. 45 коп. —

„КРЕМЪ ПОЛИШМИ“

Американскій кремъ для смазки граммофоновъ.

ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ОТЪ ПОРЧИ. — УНИЧТОЖАЕТЪ ШУМЪ.

Цѣна больш. тубъ 1 р. 25 к. без. пересылки.

Требуите во всѣхъ граммоф. и аптекарскихъ магазинахъ.

Главный складъ для всей Россіи:

„Т-во ФОНОГРАММА“
СПБ. Вознесенскій пр., №18-15.

Долой квартирную плату!!

Только контора **„Форестланцъ“** даетъ возможность каждому дешевой, широко-льготнымъ условіями обзавестись собственной землей и дачей въ разсрочку платежа безъ обычныхъ задатковъ и начета %о однимъ сбереженіемъ квартирной платы.

Высокая, сухая, здоровая мѣстность, всѣ удобства.
ПОСЕЛОКЪ „СОКОЛОВЪ РУЧЕЙ“
по Никол. ж. д.
Б. Ковюшенная, № 6. Тел. 78—28.

Къ всеобщему свѣдѣнію!

Доводимъ до свѣдѣнія нашихъ уважаемыхъ покупателей, что для починки швейныхъ машинъ

механики на домъ не посылаются

Просимъ нашихъ уважаемыхъ покупателей, въ случаѣ надобности, доставлять головку машины въ ближайшій изъ нашихъ магазиновъ, гдѣ починка машины будетъ произведена **быстро, тщательно и дешево**. Для этой цѣли въ каждомъ изъ нашихъ магазиновъ имѣются опытные механики. Предостерегаемъ отъ самозванныхъ механиковъ, являющихся якобы отъ насъ на домъ для починки. За правильный ходъ нашихъ машинъ мы отвѣчаемъ лишь въ томъ случаѣ, если машины будутъ сданы для починки намъ.

Магазинная выѣсна.

Компанія Зингеръ